

Буянов Сергей

Без крыши

<https://litres.ru/74354498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Много мы знаем про коммунизм?! Возможен–невозможен

Ещё как возможен, и слова о нынешнем поколении при коммунизме – не пустопорожняя болтовня. Были люди, что жили при коммунизме, да и ныне они здравствуют. Так что утопия вполне возможна – для отдельных, избранных. Так было и так будет. Барчата сменились мажорами, затем другое имечко получают. Только и всего.

Кто-то строил светлое будущее, а кто-то активно пользовался его благами. Был и секс в отдельно взятой формации, были и общие жены, и полная чаша одна на всех. И только люди оставались людьми, со своими ценностями и прибабаками. И осталась формула вечной: За всё приходится платить.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Без крыши

*Что̀ было,
то́жде
е́сть,
е́же
бѣдетъ: и́
что̀ было сотворёное, то́жде
и́мать
сотвори́тиса:*

*Что было, то и будет; и что
делалось, то и будет делаться, и
нет ничего нового под солнцем.*

Глава

Что̀ было, то́жде е́сть, е́же бѣдетъ: и́ что̀ было сотворёное,
то́жде и́мать сотвори́тиса: Екклесиаст 1:9

Глава 1

Оба медицинских поста пустовали. Телефон на тумбе отключен. В процедурной и малой операционной горели кварцевые лампы, придавая стерильным помещениям нежилую выжженную атмосферу. В коридоре с обшарпанным линолеумом — ни души. Двери во всех палатах плотно прикрыты.

И только в комнате сестры–хозяйки звякали чашки. Младшие медицинские работники, торопясь и обжигаясь, пили чай с шоколадными конфетами. Это подарок одной из пациенток: есть невозможно, а выбросить жалко. Дефицитные конфеты прошли через многие руки и склады, в результате чего покрылись белесым налетом, мало напоминающим благородную плесень. Для санитарок внешний вид не имел значения, они с упоением грызли шоколадные конфеты с коричневой начинкой. На разговоры не было времени – заканчивалась планёрка врачей. Впереди бесконечный рабочий день: принеси–подай–подотри! А если у заводделением испортится настроение — внеплановая генеральная уборка!

– Есть вопросы? – спросил седой человек в белом халате. Он сидел во главе стола в ординаторской.

Доктора поняли: «Всем по рабочим местам, хватит рассиживаться!» Врачи быстро разбежались. Кто на операцию, кто на дежурство в Приёмный покой отделения.

– Я останусь? – спросила вчерашняя студентка. Встретившись взглядом с заведующим, она покраснела. До чего же неприятно чувствовать себя выскочкой в 22 года, но у неё не было выхода. Заведующий мог исчезнуть в Главном корпусе областной больницы или ещё дальше – в Облздравотделе. Оттуда его не дождаться до следующего утра.

– Что, дорогая моя? – спросил старый доктор.

– Пётр Петрович, у меня важная причина, – сказала молодая докторша и сбилась.

– Без важной причины после планёрки не остаются, – заведующий подбодрил молодую коллегу жестом ладони, приглашая продолжить доклад.

– В моей палате, – она кивнула на бордовую папку из кожзаменителя, которую не выпускала из рук, – номер триста девять...

Дыхание её сбилось.

Заведующий молчал. Его мало интересовали сплетни о палате 309, равно как и любой другой. Курносой девчужке как врачу–интерну не поручали никаких важных и заслуживающих особого внимания больных. И всё же, следовало выслушать коллегу. Негоже подрубать крылышки на взлёте. Старый доктор подавил вздох, отвернулся к окну.

Проверенный временем жест мобилизовал докторшу. В её лёгких тотчас появился воздух, в голове — ясные мысли.

– Пётр Петрович, пациентка Шиллинг желает невозможного.

– Что? – густые брови заведующего поднялись до краешка накрахмаленного колпака. Но это уже не смутило практикантку.

– То, чего она хочет, сделать невозможно!

– Она беременная?

– Да. И хочет пол-аборта! – выпалила вчерашняя студентка.

– Вот как? – брови заведующего сошлись над переносицей. – Это ваш собственный термин, или просьба пациент-

ки?

– Петр Петрович, у неё двойня!

– И она хочет оставить одного? – попытался догадаться заведующий. В его многолетней практике таких случаев ещё не бывало.

– Об этом она не говорила, – докторша в волнении вцепилась в свою папку, костяшки её пальцев побелели, – даже психиатру.

– О-как! – Пётр Петрович откинулся в своём кресле заведующего, сложив пальцы на скромном животике. – Вы уже проконсультировали её специалистом? Хорошо! Тогда, что от меня требуется?

– Ну-у, – практикантка совсем смутилась. Так неудобно предложить заведующему побеседовать с пациенткой лично.

– Мы не боги, и даже не титаны! Это вы ей говорили?

– Всё сказано, но...

– Тогда выписывайте её, и делу конец! Разъяснения дайте в письменном виде и отправьте по месту жительства в женскую консультацию!

– Я всё разъяснила женщине, но она неуправляема! – вскрикнула докторша.

– Не надо истерик! Позовите сюда старшую сестру отделения!

Врач-интерн, дождавшись приказа к какому-либо действию, вскочила с жёсткого стула и в два прыжка оказалась у двери.

– Сами никуда не уходите, – мягко, по-отечески сказал седой доктор.

– Пётр Петрович, я уже всё подготовила! – с порога заявила прибывшая тотчас крашеная в модный рыжий цвет под вид пакли из теплотрассы старшая медсестра. Её накрахмаленный колпак больше похож на картонный цилиндр.

– Ильза Георгиевна! Позовите пациентку из 309 палаты, – доктор посмотрел на интерну, побуждая назвать фамилию больной.

Главная медсестра опередила обоих врачей.

– Беллу Исаевну, – сказала она. – Сейчас!

– Она успела прославиться на всё отделение? – спросил заведующий, когда медсестра умчалась выполнять приказ.

Молодая докторша пожала плечами. Она ни с кем не советовалась по поводу странной пациентки. Для чего? Доктора бы съехидничали в глаза, средние медработники — похихикали за спиной. Тем и другим каждый начинающий врач, будь он семи пядей во лбу, сыт по горло.

Заведующий не ждал ответа. Мысли вчерашней студентки читались на её лице. Когда-то и он начинал трудовую деятельность. Правда, дисциплина была тогда не в пример нынешней. Сейчас каждый сопляк, член партии, на общем собрании может ляпнуть на партсобрании, что ему придёт в голову. Видите ли, молодёжи не нравится фронтовая дисциплина. А бывает дисциплина иной? Не бывает, мысленно ответил себе Пётр Петрович и кивнул головой.

– Пётр Петрович! Пациентка Шиллинг доставлена! – отрапортовала старшая медсестра, заглянув в ординаторскую.

– Попросите войти!

– Входите, пожалуйста, Белла Исаевна, – расшаркалась старшая медсестра.

Заведующий насторожился. Ильза Георгиевна не станет юлить перед обычной больной. Пётр Петрович поморщился, не хватало номенклатурной сумасшедшей! Старый доктор не боялся самых высоких чинов, но чтит единство партии. Без единоначалия нет коммунизма! Жить стало легче, чем тотчас после войны, но дисциплина захромала, так и до беды недалеко.

Старшая медсестра широко раскрыла двери ординаторской перед приглашённой пациенткой. Сама же, уклонилась за косяк, оставшись вне зоны видимости.

Заведующий, увидев женщину в богатом бухарском халате, сглотнул строгие слова, заготовленные для странной больной.

Её глаза. Большие, тёмные, с желтовато-серым ободком. В них доктор прочёл саму вселенскую печаль, и ни намёка на безумие.

– Здравствуйте, профессор, – дама без кокетства слегка присела. Этаким благородно-вежливый книксен.

– Здравствуйте, пациентка Белла Исаевна! – старый доктор приподнялся в кресле, жестом пригласив больную сесть

на диванчик возле своего стола.

– Я вовсе не профессор, – сказал он.

– Это по званию, – поправила пациентка, – но не по умению.

Говорила она как человек, знающий себе цену. Казалось, за её спиной стоит, держа в руках королевский подол, первый секретарь обкома, как минимум. Ни больше, ни меньше.

Седовласый доктор глянул на молодую коллегу. Практикантка тотчас юркнула за дверь.

Больная проводила её взглядом, затем уселась напротив заведующего, развернув стул. Её глаза смотрели на профессора и молили об единственно правильном решении. А старый доктор завёл старую пластинку о том, что врачи далеко не боги, и не всё в их силах. О том, что он как человек хоронивший товарищей на поле боя, категорически против убийств неродившихся людей.

Белла Исаевна наслушалась подобных ораторов. Что шибзанутого психиатра, что молодки с прыщавым подбородком. И этот, контуженный военно-полевой хирург, ныне оперирующий акушер–гинеколог, туда же!

– Поймите, Белла Исаевна, – повторялся старый доктор, стараясь не глядеть ей в глаза, – нельзя убить одного, чтобы не пострадал другой близнец! Это невозможно!

– По генетике? – легко произнесла полукрамольное слово пациентка.

– В том числе, – не задумываясь, подтвердил доктор.

– Вот не думала, – почти прошептала пациентка. И этот тихий голос сразил доктора. Пётр Петрович осознал свою ошибку. Он уже знал, какие слова услышит следующими. И не ошибся.

– Могут ли старые монахи, сутенёры горошин и мушек–дрозофил влиять на умы советских акушеров? – Белла Исаевна задала вопрос, глядя в пустую ординаторскую так, будто держала речь перед партсобранием.

– Вас выпишут сегодня. Прошу! – Пётр Петрович встал из-за стола и жестом указал на дверь. Из всей тирады пациентки доктор расслышал лишь слово «старые» и принял его на свой счёт. Спорить, тем паче ругаться с пациенткой в его отделении не то что не принято – невозможно!

Белла Исаевна вернулась в палату. По её лицу нельзя было понять: уговорила профессора или нет. Как ушла невозможно-спокойной, такой же и вернулась. Соседки по палате были из простых, сама Белла Исаевна записалась в Истории болезни как никому неведомая домохозяйка. Пользуясь остатками отпуска, она решила «поправить здоровье» инкогнито. Понадеялась, что с обычной женщиной доктора не станут церемониться. Впрочем, они и не стали. Только совсем в другом смысле. Теперь, не зная как быть, Белла Исаевна уселась на край кровати, охватив голову руками.

– Чё, не согласился? – спросила соседка с ближайшей койки. Доярка из какого-то совхоза. Ни имени её, ни фамилии Белла Исаевна не знала и не хотела узнать. Но отвечать всё

же пришлось.

– Решил выписать.

– Я ж, те говорила, старый хуже молодухи будет!

Не глядя на доярку, Белла Исаевна принялась собираться домой. Она раскрыла прикроватную тумбочку. Поочерёдно вынимая баночки и коробочки, Белла Исаевна морщилась, качала головой. А доярка не унималась.

– Молодуху-то, он и натаскал! Я-то дура, не подсказала! – она так сокрушалась, что Белла с сочувствием посмотрела на неё.

– Все они заодно, – вывела соседка по палате.

– Чай допьёте? – спросила Шиллинг усталым голосом.

Увидев ярко-жёлтую, с синим слоном пачку, доярка аж подпрыгнула.

– Эти получше будут, – сказала себе под нос Белла Исаевна, положив на стол коробку шоколадных конфет. – От санитарок припрячьте, им и так жирно будет.

– Хи-хи-хи! – разразилась подхалимским смехом бухгалтерша с кровати у окна.

Женщины догадывались, что Шиллинг не простая, поэтому старались лишних вопросов не задавать. И всё же, как в любом женском коллективе, они узнали всё. Что Белла Исаевна дама под сорок, никогда не была беременной. Сейчас она умудрилась понести двойню, но хочет оставить только одного близнеца. Скорее всего, решили они, от разных отцов. Каждую соседку разбирало любопытство: как доктора

выскоблят чужого, оставив близнеца именно от мужа?

Белла Исаевна посмотрела на глупые лица соседок по палате. Улыбнулась. Что они понимают в жизни? Имеют мужей алкоголиков, и рады. Она поджала губы. Для таких чувырл и алкаш в радость, но ей-то за что такая участь?

– Белла! – вдруг осенило доярку. Она аж подпрыгнула в кровати. – Поезжай в Москву! Там есть платные врачи!

– Точно! – подхватила вторая соседка. Среднетехническое образование читалось на её лице. – Официальная платная клиника, я сама слышала.

– Одна моя знакомая, так умирала от рака, – сказала доярка. – Вот, она поехала к профессору в Москву. Он ей сказал: «Заплати мне семь тысяч, и будешь жить пять лет». И каждый год прописал, как лечиться. Она заплатила, и живёт уже семь лет. И не болеет ничем. Вот, недавно на аборте была, – выпалила женщина и резко умолкла. Поняла — сказала не то.

Беллу Исаевну стошнило. Она ярко представила раковую больную с облезавшей шмотками кожей. В нос ударило гнилью.

Соседка услужливо подставила под подбородок утку. От вида облезшего от дезинфекции никеля, Беллу выполоскало. Бухгалтерша подмигнула соседке по палате. Токсикоз!

– Во, как крутит-то! – сказала доярка в коридоре, после того как Белла Исаевна жестом заставила женщин выйти вон. – Это ещё что, цветочки. А подрастут и начнут в брюхе меж

собой драться? Они же чужие друг дружке!

– Да. Все мы бабы — дуры! — заключила бухгалтерша.

Белла стояла у двери ухом к щели и слушала.

– Вроде не пьёт она, — продолжала рассуждать подруга, — как же можно сразу двоим дать?

– А может, её силой?

– Да такая сама любого мужика изнасилует! Ты погля, какие сиськи, а ведь ни рожала ни разу. А жопа? Вильнёт бочком, и любого в кровать завалит.

– Ладно тебе. У человека горе, а ты издеваешься. У неё один русский, а другой нацмен! — заявила бухгалтерша. — Поняла теперь?

– А-а, — доярка закусил кончик косынки. — Вот оно что. Дак чёрного выскоблят, и делов-то!

– Не-е. Они живучие.

– Тогда мужик точно прибьёт. Давай ей подскажем. Пусть оставит обоих. А потом скажет, мол, в родне был кто-то нерусским!

– Дура ты! — вспылила бухгалтерша. — Нашла чё говорить! Она ж сама, того...

– Чего...

– Шиль-инг!

Беллу встряхнуло. До сей поры она думала, что речь идёт о какой-то из бесчисленных подруг доярки, такой же наби-той дуре. Теперь же, Белла Исаевна разом всё поняла. Вот почему доктора разговаривают с нею, как с дурочкой. Они

решили, что я думаю: дети от разных отцов! Интеллигенты в белых халатах, тоже мне! Она не стесняясь, сплюнула. Скоты!

Женщины продолжали разговоры, переключившись на другие темы. Близкие и насущные. О коробках конфет беременной Шиллинг, индийском чае и прочих мелочах. Куда всё это пристроить, и как упрятать от санитарок и сестры-хозяйки? Им хотелось передать эти дефицитные богатства домой, детям.

– Я пришлю с шофёром вашим деткам по коробочке свежего монпансье! – сказала Белла, войдя в палату.

Обе женщины чуть не хлопнулись в обморок.

Белла кликнула медсестру.

– Что это с ними? – всполошилась медработница.

– Токсикоз! – сказала Белла Исаевна. Она ушла прочь, не оглядываясь.

Глава 2

С балкона второго этажа Дома отдыха свешивались волосатые мощные ноги. Проходя снизу, прохожий мог видеть рельефные мышцы, налитые мощью. Глядя на скульптурные ноги, так и хочется ткнуть пальцем, убедиться в их натуральности. Не каменные ли? Но ветерок пошевеливал пегие волоски, придавая ногам живой вид.

Хозяин атлетических ног сидел на краю балкона и лакал свежее чешское пиво из бутылки, запотевшей со льда. И кто сказал, что похмельное утро бывает хмурым? Игорь Борисо-

вич Болтунов чувствовал себя превосходно, не какой-то там трясущийся алкоголик. Ещё пару глотков. Затем утренняя пробежка, и норма! Можно будет принять родимой водочки. Сегодня, как никак, День рождения у Пашки! Не тяп-ляп, сорок годков! Старик. Совсем старик. Болтунов, шутя, всхлипнул. Самому до возраста «старика» осталось меньше полугода.

День обещал выдаться погожим. Игорь Борисович осознал, что чудесами природы он наслаждаться сегодня не будет. Без того развлечений хватит. Чем ещё заняться мужчине в расцвете сил, когда жена смылась, не дождавшись окончания путёвки? Каких-то полгода назад она была счастлива как квочка, теперь удрала домой. Болтунов махнул рукой, ну её! Больно умная, аж тошнит. От ума у баб одни неприятности. И почему одни мечтают жениться на умной и красивой, а другим бы, попроще? Ему, например. Болтунов задал немой вопрос небу. Тучка, заползавшая на солнце, не отреагировала. Так и Болтунов – не знал, как разговаривать с собственной женой. Какие-то всё у неё «ассоциации, аллегории, аналогии» – без бутылки не разобрать! Да и папаша её, тоже не фонтан. Дал же Бог тестя! Ни выпить, ни закусить. Глазомер бережёт, старый козёл!

– О–х! – шумно вздохнул Болтунов и поднялся на ноги. Пора.

Пробежав в нарочито медленном темпе стометровку, он покидал гирьку. Основательно пропотев, принял душ. После

чего направился к другу.

– Оба-на! Болтун! – с раскрытыми объятиями встретил его товарищ. Мощный мужчина с бычьей шеей, плавно переходящей от головы к широченным плечам. Если оба друга одновременно входили в дверь, могли пройти только боком. Мастера спорта международного класса по тяжёлой атлетике вспоминали былые годы. Немного мешали тощие девушки. Периодически то один, то другой садил Алю или Олю на ладонь, вручал ей стопку, затем поднимал свою руку так, чтобы водка текла ему в рот. Курили исключительно «Мальборо». Водку запивали коньяком.

Начав отмечать с утра, к полудню они до изнеможения измучили девочек. Мужчины приняли контрастный душ, напялили парадные спортивные костюмы фирмы адидас с гербом Советского союза — символом их былой спортивной славы отправились в ресторан.

Их узнавали, им наливали, у них просили автографы, подсаживали лучших девочек, угощали первоклассными деликатесами.

День рождения Пашки отмечали широко, с размахом на целую неделю.

Несколько раз звонила супруга. Но дни летели как в ярком калейдоскопе так, что Болтунову не удавалось переговорить с женой. То руки заняты стопкой или девчонкой, то телефоны отдыхающими или персоналом.

– А всё же, вас попёрли из Большого спорта! – брызгал

пьяной слюной плюгавенький тип.

Ребята отбрыкивались от спора, но он продолжал лезть в бутылку. Причем, не головой, а ягодицами: поджав ноги к плоскому животику.

Пашка вытянул вперёд широкую ладонь, а другой хлопнул её сверху и растёр. Жест получился удачным, Болтунов рассмеялся.

– Не ржи, Болтунов, ты не бухал бы, так всё бы видел! – просипел мужичонка в потрёпанном пиджачишке.

– Ты кто? – спросил Болтунов. Голос казался ему знакомым, а рожа – непонятной.

– Я?! – возмутился дистрофик.

От неожиданности Паша чуть не подавился водкой. Спорщик подскочил и хлопнул великана по спине между лопаток. Профессионал! Пашка тотчас проглотил икотку и надрывной кашель.

– Ты это, – Болтунов обвёл в воздухе кружок, – костоправ!

– Я-то ты сразу вычислил, – погрозил пальцем Пашка. – Так, что имеешь сказать?

– Твоя баба где? – бывший спортивный доктор поглядел в мутные глаза Болтунова.

– Дома.

– А ты где?

– У тебя на бороде! – Болтунов выпил из гранёного стакана.

– Знаешь, что она с чуркой гуляет, а?! – коротышка под-

нялся на ноги, с вызовом заглянул в глаза Болтунову. Его куриная грудь ещё больше заострилась, лопатки соединились друг с другом.

– А тебе, что?

– А то! Базары разные ходят.

– Базары не ходят, они базарят! – поправил доктора Паша.

– Так, кто там мочалит мадьмзелю Шиллинг?

– Сами вычисляйте, я сказал, что услышал.

– Откуда услышал?

– Я сказал же, сами разби...–буль–буль, – захлебнулся в остывшем супе дихорик. Это Болтунов двумя пальцами ткнул его в шею, окунув лицом в тарелку и прижал. Коротышка забился в истерике. Приподнять голову он не мог и задыхался. Ноздри забило квашеной капустой. Варёная картошка превратилась в пюре.

– Кто? – спросил Болтунов, на миг приподняв голову докторишки. Но ответить не дал, вновь окунув мордой в тарелку. Когда скандалист конвульсивно задрогал ногами, Болтунов оторвал его от тарелки.

– Я скажу–скажу–скажу!

– Куда ж ты денешься?

– Никуда-никуда не денусь! Скажу, – продолжал всхлипывать маленький человечек, утираясь несколькими салфетками одновременно.

– И кто жарит мою бабу?

– Байбеков, – едва слышно прошептал дистрофик, озира-

ясь по сторонам.

– Бай–бай–бай–бай! – взорвались динамики на сцене.

– Чего, чего? – не понял Паша. – Кто-кто?

– Я уже всё сказал! – выкрикнул алкаш, вывернувшись из пиджака, оставив его в руке Болтунова. Оставшись в тонкой манишке, он выскочил из ресторана.

– Класс! – заорал какой-то тип с бульдожьим лицом. Он уже заметил штангистов и на всех парах двигался к ним. Дружески бортанув Пашку, от чего тот еле усидел на стуле, мордovorот хлопнул по плечу Болтунова.

– Ты, что ли? – нахмурился Болтунов, отодвигаясь, чтобы лучше рассмотреть вновь прибывшего собутельника.

– «Великолепная пятёрка и вратарь»! – проорал амбал, перекричав голос записи Бони–М.

– Шуряя! – расплылся в улыбке Паша. Он поднял руку вверх и щёлкнул пальцами: – Чело–Эк! Холодненькой «Пшеничной»! И поживее!

Для ускорения Паша топнул ногой.

Во мгновенье ока на столе появился пузатый графинчик с искомой целебной жидкостью.

И пошёл кутёж!

Путру, не то на третий день, позвонила жена.

– Опять квасишь?

– Белка! Не плачь! Я уже собираюсь домой! Что привезти?

– Сифилис не привези! – выкрикнула жена и отключила связь.

– Сучка, – пожаловался он Пашке, поглаживая восковую ляжку Оленьки.

– Она самая! – кивнул тяжёлой головой Паша и предложил: – Выпьём?

– А как же!

Через полмесяца бывшая звезда советской тяжёлой атлетики вернулся к жене в самом мрачайшем состоянии духа.

– Кто такой Байбеков? – спросил он, сидя за столом и разглядывая жену со спины.

Белла оглянулась.

– Второй секретарь компартии республики, – сказала она заученно, как на экзамене.

– Во как! И чё?

– Не чё, а что! Если быть грамотным до конца, тогда: кто!

Болтунова перекошило. Он сам не знал, откуда всплыла эта фамилия. В газете читал, или по радио слышал?

Он собирался сказать это вслух, но обратил внимание не глаза супруги. Беллочкины зрачки плавно приподнялись к потолку. Болтунов вспомнил пьяненького алкаша, бывшего доктора команды.

– Не кто, а чё! Чё–о! – заорал он, стукнув кулаком по столу. – Что этот «чё» делает в постели моей жены?!

– Спит, – ничуть не смутилась Белла.

– У, с-сука! Да как ты? Что ты? Кто ты? – задыхался от гнева Болтунов, но тронуть жену не посмел. Не в его правилах драться с бабами, даже с такими пропащими, как Белка.

– Ты же оприходуешь молоденьких шлюшек.

– Это я! Я мужик!

– Именно! Мужик, но не мужчина! Выпить, совокупиться, подраться с себе подобными... – Белла Исаевна намеренно сделала паузу.

– Животными? – предположил Болтунов.

– Всегда знала, что ты самокритичен, – отметила Белла, присев к столу.

Они сидели напротив друг друга и молчали. Белла не хотела опускаться до скандала. Болтунов задыхался от злости и бессильной ярости. Любому другому любовнику он бы открутил голову как курёнку. А любой другой мужик размазал свою стерву по стене! Он же, сидел и мучался вопросом: Зачем она вышла замуж, если стала изменять?

– Давно ты с ним? – спросил Болтунов.

– Давно.

– Врёшь!

– Вру.

Спокойствие жены напрягало нервы.

– А это? – спросил Болтунов, опустив глаза.

Беллу как обдало кипятком. Он смотрит на живот!

– Это, дорогой Игорек, твоё произведение! И никуда от него не деться.

– Почему? – хоть убей, Болтунов никак не мог понять её долбанные аллегории.

– А потому, самец ты этакий, – Белла отвернулась, – по-

тому что!

– Долго ты меня будешь за дурачка держать?

– Хватит. Надержалась уже! Ребёнка отдам тебе!

– Какого ещё ребёнка? – могучие плечи Болтунова поднялись, утопив голову.

Беллу Исаевну теперь обдало из ледяного ушата. Как можно разговаривать с таким дебилом? Сам не понимает, о чём спрашивает, а потом удивляется!

– Так ты, – нарушил молчание Болтунов, – того?

Белла опустила глаза.

– От кого?

– От тебя! От кого ещё-то?

– Ну-у, от этого урюка, к примеру.

– Сам знаешь, от тебя, – Белла зевнула.

– Тогда зачем ты с ним? – никак не брал в толк Болтунов.

– Что за манёвры?

– Ты на что годен сейчас?

– Ясно, – кивнул Болтунов, – меня списали как героя. Тебе-то нужен надёжный мужчина, а не простой мужик!

– Мавр сделал своё дело, мавр может уйти.

– Да и хрен с ним! Пусть уходит! – обрадовался Болтунов. Он сделал попытку обнять жену. Надо же, забеременела! Есть, есть у Болтуновых особая сила!

– Ты не понял. Уходить придётся тебе.

– Это аллегория такая?

– Аллюзия, дорогой Игорек, аллюзия!

– Да хоть поллюция! Почему мне уходить? Мотай-ка ты отсюдава!

Белла смотрела на мужа и дивилась. Чистый орангутанг! Нахватался со мною словечек, а в гневе всякий раз переходит на родной язык, рабоче-крестьянский!

– Я уйду, я! – заверила она, расширив без того необъятные глаза. – Всё предрешено. Ты разве не заметил, что моих вещей в квартире нет?

Болтунов огляделся. В кухне-то, какие вещи? И всё же, в месте, где висел Белкин нарядный передник, на стене остался повторяющий его контур чистых обоев, свежий и не засаженный.

– А ребёнок? Это же мой ребёнок!

– Ребёнка принесу тебе. Не волнуйся!

– Почему не сделала аборт?

– Тебе, Игорёк, не понять.

– Да, многое мне не понять! – он рванулся к холодильнику, выдернул полбутылки водки. Болтунов отхлебнул из горла. В мозгу прояснилось.

– Мне не понять, – повторил он. Заметив, что Белка не собирается протестовать, Болтунов плеснул в стакан, с удовольствием выпил. Есть же сладость в водочной горечи!

– Мне не понять, – повторил он ещё раз. – Зачем ты выходила замуж? Зачем эта шикарная свадьба на пятьсот человек, и за мой счёт? Ты же знала, ухожу из Большого спорта, зачем клялась в любви?

- Затем, дорогой мой, что дети должны рождаться в браке.
- Всё приличную из себя корчишь?
- Да. Как это ни прискорбно.
- Прискорбно, что ты болталась до таких лет, а не могла забеременеть! – выдал Болтунов и расхохотался.
- Не судьба, – сказала Белла, когда он умолк.
- Многим давала?
- Многим, – вздохнула Белла Исаевна.
- И замуж вышла по гороскопу! – продолжал ёрничать Болтунов. Пусть знает, и он не лыком шит!
- По любви.
- На полгода! – Болтунов налил ещё полстакана и махом выпил.
- На большее не потребовалось.
- А ты, оказывается, большая стерва! Вот почему не стала менять свою фамилию. А мне-то наплела: «Папа не переживёт, папа обидится»!
- Я не лгала тебе.
- Да чтоб он сдох твой папа, старый козёл!
- Не о папе речь. Ты же что-то другое отел сказать, говори!
- Белочка, дак ты это, того...
- Ага! – передразнила Белла Исаевна. – Того, этого!
- Ты же не давала мне, пока я не перешёл в жёсткий режим перед прощальным выходом на помост!
- Мне нужен здоровый ребёнок.
- А теперь не нужен, раз отдаёшь его мне?

– Я смогу родить ещё.

– На пенсии! Ну, ты дура, Белка! Тупая тварь!

– Игорёк, быть тебе всегда острым и право имеющим!

– Я не дурак, но понять не могу, зачем тебе всё это нужно?

– Ты скоро сопьёшься и пропадёшь.

– И мне, спившемуся и пропащему, ты отдаёшь нашего ребёнка, зачем?

– Ты не дурак, и всё понимаешь, – Белла посмотрела в глаза мужу так, как перед свадьбой. Болтунов тогда начисто утоп внутри неё. Вот и теперь Белла Исаевна рассчитывала на полное понимание.

– Хочешь, расскажу, чего ты задумала? – не дожидаясь ответа, Болтунов выпил до доньшка стакана. Продолжил говорить: – Нашла здорового мужика, завалила на себя, оплодотворила себя, а потом решила, что ребёнок – это не для тебя! Даже такой здоровый.

– И умный, – продолжила Белла.

– Белка! Не издевайся! Дай договорить, не ссы, не обижу!

– Говори.

– Увидела или кто стукнул, что я гуляю, и решила отомстить. Связалась с этим урюком, а он оказался партийным начальником. Он запросто сомнёт меня в бараний рог. Да и тебя тоже! Поэтому боишься оставить себе ребёнка, моего ребёнка! Так давай, ломанёмся отсюда! Куда-нибудь на Север, там он нас не достанет!

– Нет.

– Конечно, он же себе яйца там отморозит! А мы будем жить счастливо, как задумали перед свадьбой!

– Только пьяные слюни не пускай! – брезгливо сморщилась она.

– Не буду! – Болтунов обтёр губы.

– Ничего из этого не получится. Ты будешь пить и болтаться со шлюхами – это твой образ жизни! Удивляюсь, как ты ещё в течении десяти лет побеждал на помосте. Водка, что ли помогала?

– Здоровья у меня хватает!

– Чего не отнять, того не отнять. До поры.

– Белка! Ты же замуж вышла уже того. Не целка! – воодушевившись её улыбкой, Болтунов повторил каламбур: – Белка – не целка! Так какого... ты мне шарики крутила?

– Я вышла за тебя по любви, но не сложилось.

– Значит, разговору конец?

– Понимай, как знаешь, – Белла Исаевна вышла из кухни.

Болтунов молча допил остатки водки, открыл холодильник, достал початую консервную банку, доел печёночный паштет с коркой чёрствого хлеба. «Не сложилось!» – мысленно передразнил он супругу. Как же! Что там складывать, если при живой супруге дома пожрать нечего? Да вали ты куда хочешь, и побыстрее! Последние слова он выкрикнул в дверной проём.

– Вот ключи, я больше не приду.

Связка ключей брякнулась о стол. Болтунов молча смот-

рел на них и думал, чего-то не хватает. Он взял ключи, осмотрел. Не хватало латунной штанги, в виде брелка.

– Ты зачем забрала мой талисман?

– Это твой подарок.

– А ребёнка когда отдашь?

– Через три-четыре месяца. Сама найду тебя. Не пытайся поломать мою жизнь! – напутствовала Белла Исаевна, стоя перед дверьми.

– А развод? Алиментов не хочешь хапнуть?

– Игорёк! Загляни в свой паспорт! Мы уже разведены. Об алиментах не беспокойся, ребёнок будет у тебя! – она дёрнула за ручку двери.

– Нет! Постой! – Болтунов решил выяснить отношения до конца. Он ухватил Белку в охапку и усадил на табурет. У Беллы Исаевны перехватило дыхание — никогда раньше с нею никто так не обращался. Больше было злости, чем физической боли. От нахлынувших чувств, которые Белла сдерживала до сих пор, из её больших глаз покатались крупные слёзы.

– Всё же ты скажешь, зачем обманула меня!

– Мы с тобой прожили полгода. Не самых лучших в моей жизни.

– И в моей!

– Попрошу не перебивать, не обижу, – улыбнулась Белла Исаевна. Оттёрла слёзы с румяных щёк и продолжила: – Я узнала Батырхана только месяц назад. Сам понимаешь, ре-

бёнок от тебя ему не нужен. Я в роли мужчины, понимаешь?

– Это как? Ты сверху, а он снизу?

– Обычно ребёнка оставляют матери. Отец бесится, судится, я же отдаю тебе безо всяких препирательств. Ухожу, оставляя всё.

– Ага, – кивнул Болтунов, – мою же квартиру мне же и оставляешь.

– Если бы не мой папа, ты некогда не получил бы эту квартиру.

– Уходи! Уходи от греха!!! – Болтунов раскрыл двери и вытолкнул Белку на лестничную площадку.

Он долго не мог придти в себя после ухода жены. Осматривая квартиру, ещё раз убедился, что жестоко обманут. «Ухожу, оставляя всё»! Как же! Ни одной вещицы Белки нет. Забрала и вывезла заранее. Наверное, звонила, чтобы сказать про суд, раздел имущества и так далее. А он бухал и не желал разговаривать. Стоило так отрываться, как последний раз в жизни?

– Всё ты, проклятая! – Болтунов со злости расколотил пустую бутылку из-под водки. Сидел за пустым столом, сопел. Затем набрал номер телефона Пашки, вернувшегося из пансионата вместе с ним.

– Зайди ко мне! У меня беда!

Друг не задал ни единого вопроса.

– Сейчас, – сказал он и положил трубку.

Вот что значит, настоящий человек! Всё же друг, он вечен.

В отличие от бабы!

Явившийся друг успокоил душу. С порога он встряхнул холщовую сумку, звякнув бутылками.

– Нет худа без добра! – сказал Паша.

Болтунов полностью согласился.

Глава 3

Неподалёку от центра столицы союзной республики, среди вновь отстроенных благоустроенных домов улучшенной планировки стояло несколько частных домов, стилизованных под старину. Голубые куполообразные крыши, с зелёным орнаментом по окантовке, напоминали о прежнем полукочевом образе жизни далёких предков. Турист из Европейской части СССР, проходя мимо этого огороженного квартала, задавался вопросом: почему рядом с центром города расположены частные владения? Разве не нужно их снести и выстроить большие дома для людей? Из местных никто такого вопроса не задавал даже мысленно, оставшись наедине с самим собой.

Дом, находящийся возле входных ворот, служил гостиной. Протекающий рядом арык имел выход на обочину центрального проспекта. Стены изнутри дома покрыты ковровой тканью из верблюжьей шерсти. Круглый столик на спиленных до десяти сантиметров ножках утопал в ворсе зелёного ковра. Округлые стены образовывали площадь чуть больше круга баскетбольной площадки. У столика возле сте-

ны, противоположной на полу, восседал древнейший старик с редкими седыми волосами, подогнув под себя ноги. Кожа его лица с годами выцвела под азиатским солнцем и приобрела благородную бледность, мало отличающуюся от седины. Спиной он опирался на расшитые бисером подушки. Аксакал держал глаза прикрытыми, что не мешало слышать каждое слово.

Когда люди, сидящие по-турецки в пиджаках и галстуках поочерёдно доложились, аксакал вынес решение. Он сказал всего несколько коротких слов, но все поняли и начали прощаться. Каждый подходил к аксакалу, целовал его пожелтевшую руку в пальцы с посеревшими ногтями.

Предварительное, самое главное заседание ЦК компартии республики закончилось. Оставались сущие формальности: пленум, резолюции и прочие организационные вопросы.

Аксакал махнул человеку в цветастом широкополом халате у двери. Человек вынул из-под полы золотой поднос. Каждый выходящий что-то клал на него и покидал гостиную, широко улыбаясь.

Аксакал стукнул по столу ладонью, обмотанной чётками из слоновой кости. Человек, прощавшийся с ним последним, понял и занял место рядом. Одновременно собирающий приношения в поднос бесшумно исчез.

– Зачем тебе это? – спросил аксакал у мужчины зрелого возраста.

– Любовь, аке.

– Любков–шмуровь! Какой род решил оставить? Бери её второй женой.

– Не могу, аке. Мне ехать за границу. Советский дипломат не может иметь две жены.

– Только из почтения к Байбеку, делай как хочешь. Уходи.
– аксакал взмахнул рукой, брякнув чётками.

Мужчина вышел во двор, не увидев слуги с подносом. Он понял, что никому здесь не нужен. Ярко светило тёплое солнце, зрели персики, весело щебетали птахи, а перед взором Батырхана стояли тёмные, глубокие и манящие глаза женщины. Не из достойного рода, не из его круга. Но она, Белла Исаевна Шиллинг, была единственной, за кого Батырхан мог и хотел отдать всё. Только для того, чтобы окунуться в эти чудесные глаза. Даже если для этого придётся покинуть Родину, расстаться с начавшейся карьерой и усыновить чужеродного ребёнка.

Глава 4

Белла Исаевна повторно вышла замуж безо всякой помпы. Папа, как и в первый раз, не желал её замужества. Энтузиазма он не проявил, в предсвадебной лихорадке не участвовал. Батырхан всё говорил о каких-то дальних командировках, чем нисколько не расстраивал Беллу. Она знала, для неё Батырхан сделает всё, и чуточку больше. Только не нужно спешить.

Их расписали в Загсе после рабочего дня, и ни один че-

ловек не встретил новую семейную пару. Свидетелями были работницы Загса как граждане СССР. Отсутствие родственников Батырхана ничуть не заботило Беллу, она побаивалась их ужасных акцентов и безвкусных дорогих нарядов. Батырхан не настаивал на изучении своего языка.

– Я же не учу твоего! – отшутился он. И непонятно, какой язык он подразумевал. По-русски, как и все партийные функционеры, говорил безупречно. Он как-то откровенничал, что в минуты сильного душевного волнения может сбиваться на акцент, но в таком состоянии Белла его ни разу не видела.

Молодожён выехал в Турцию с однократным визитом, но на целый месяц. Это было кстати, Белла Исаевна готовилась к родам. Неприятностей ей не хотелось.

Шиллинг Белла Исаевна привыкла выполнять обещания. Она не забыла про людей в больнице. Обеим квочкам она прислала позолоченные коробочки монпансье для их сопливых деток. Профессор, отказавший в аборте, был вынужден уволиться и покинуть республику. Батырхану это стоило столько же, как обе коробочки конфеток для незнакомых женщин, соседок Беллы по палате.

– Пётр Петрович, вы понимаете ситуацию?

– Больше, чем хотелось.

– Предлагаю вам попрощаться с коллективом в торжественной обстановке, – сказал парторг больницы. – Для вас открылась вакансия заведующего кафедрой на Урале. Ка-

жется, там есть ваши родственники?

– Да, – сказал Пётр Петрович. Родственников на Урале он не имел, но против установки партии на нацкадры выступать не посмел.

И был торжественный банкет: много речей, пожеланий, реки вина с берегами красными от икры и винограда, и новое назначение ветерана партии и заслуженного врача республики.

Пётр Петрович так никогда и не узнал, кому обязан столь чудесному изменению своей судьбы. А Белла Исаевна любила делать людям приятное без огласки.

Молодую практикантку распределили прочь от столицы в областной центр. Там она нашла жениха, достойного человека. Об этом Белла Исаевна узнала несколько месяцев спустя, и с души её свалился ещё один камушек.

Рожала она в соседней республике. Никто тут не знал женщину под фамилией Шиллинг. Затем Белла Исаевна «утеряла» свой паспорт, а получила новый – с фамилией Байбекова.

– У вас замечательный мальчик! – сказала женщина в белом халате, пробудив родильницу от наркоза.

– И, всё? – спросила заторможенная Белла Исаевна.

– К сожалению, девочка, похоже, не жилец, – посочувствовала анестезистка. – Доктор вам всё расскажет.

Белла Исаевна закрыла глаза. Визгливый голос пронизывал её больную от наркоза голову, мешая думать.

Итак, мальчик замечательный. Полдела сделано. Батыр-

хан примет мальчика. Молодая вертихвостка, даже в качестве собственной дочери, не устраивала Беллу Исаевну. Она много знала о жизни и могла видеть на много лет вперёд.

– Папа, приезжай ко мне! – позвонила Белла Исаевна на третий день после родов.

Подсчитав убытки из-за отсутствия в ювелирной лавке, скрепя сердце, папа приехал. Дочь захотела пристроить больную девочку в московский приют для ущербных детишек.

– Папа, как родной отец Болтунов оплатит всё сам! – упредила его вопрос Белла, и на душе Исайи Моисеевича стало теплее.

– Я сделаю всё возможное, – пообещал он. Времени на разговоры с дочерью не было, Исайя Моисеевич попрощался.

Зайдя к главному врачу родильного дома, он попросил «скорую», подвезти до вокзала.

– Конечно же, конечно же! – не скрывая чувств потёр ладонями главный врач. Проблемный ребёнок на четвёртом дне жизни мог бы сильно подпортить показатели. Младенческая смертность — дело малоприятное. Старик обещает забрать внуку. Да за это можно отвезти на служебной «скорой» хоть за пятьсот километров!

Действительно, на следующее утро главному врачу позвонили коллеги из Москвы и сообщили, что за новорождённой вылетел самолёт.

Белла Исаевна позвонила Болтунову и сообщила, что его дочь при смерти в Москве. Что так нелюбимый им папа сделал всё возможное и просит оплатить ему издержки. При этом Белла Исаевна включила в сумму время вынужденного прогула Исайи Моисеевича.

– Нет вопросов, – сказал Болтунов, – сколько?

– Пять.

– Понял, – Болтунов не хотел разговаривать с бывшей женой. Башка трещала с похмелюги. Какая же Белка стерва! Позвони через полчаса, он был бы уже в форме и смог бы как-то возразить. Поторговаться, что ли. Болтунов стукнул себя по лбу, как не стыдно торговаться за жизнь собственной дочери! Он выпил бутылочку пива и отправился с утра пораньше в сберкасса.

Получить деньги не составило труда. Люди начинали рабочий день – клиентов в сберкассе не было. Взяв полиэтиленовую упаковку с пачками пятёрок, он помчался к тестю.

– Подавись, старый козёл! – Болтунов никогда не церемонился с Исайей Моисеевичем.

– Благодарствую, молодой человек, – дед сдвинул к себе пачку денег размерами с крупный кирпич. Раздался шлепок – деньги упали в ящик письменного стола.

– Скажи адрес!

– В Москве его знает каждый. Девочка зарегистрирована под фамилией Шиллинг, имя выберете сами.

– Я-те щас выбег-ру! – передразнил бывшего тестя Болту-

нов. Он замахнулся мощным кулаком, но опустил руку. Всё же старый козёл помог спасти дочку.

Болтунов вышел во двор, сел на лавку обдумать положение. Судя по всему, у него не было других детей. Иначе набежали бы мамашки за алиментами. Пашка, к примеру, шестерым платит в разные концы страны. Болтунов на пике славы не сходил в телеэкранов. Каждая бы узнала, решил он. Выходило, у него одна единственная дочь, и та калека. Мало что калека, так ещё исайевно отродье! Мисс Шиллинг, етию—мать!

Глава 5

– Бабекбай, что делает твой сын? – спросил аксакал у старика, немногим моложе его.

– Батырхан европеец. Его можно понять.

– Он никогда не станет европейцем. Как и ты, как и я, как все наши внуки и правнуки. Зачем ему русская жена?

– Она не русская, она Шиллинг.

– Англичанка? – прошамкал аксакал.

– Почти, – улыбнулся Бабекбай.

– Она не немка?

– Нет, конечно, нет! – Бабекбай вздрогнул. Немка — позор всему роду.

– Какой-такой любовь, ты мне скажи, в его годы? Давно пора жить, а он всё скачет.

– Этого не изменить.

– И мы тебе говорили, не нужно ему учиться в Москве. Что узнал? Баб щупать с белой кожей? Так щупал бы, зачем жениться?

– У него карьера такая. Правила такие.

– А у нас старший жюз! – аксакал стукнул костяшками чёток по столику. – Сколь нас останется, если каждый будет принимать чужие правила? Кто будет страной править?

– Он всё равно не сможет. Моя ошибка, и моя боль.

– Я разрешил ему поступать, как знает. Но знает он ни по-плохому, ни по-хорошему. Пусть исчезнет отсюда, – сказал аксакал, засыпая.

Бабекбай видел свою сноху и не мог порицать сына. На его взгляд выбор был успешным. Женщина мудрая, хитрая и красивая. Детей своих у Батырхана быть не может. Об этом знает и аксакал. Что же ему не нравится? Или евреи обидели его в молодости? Выяснить это у главы старшего жюза не рискнул бы самый последний безумец. Решение принято.

Батырхана срочно вызвали к Первому секретарю компартии Республики. Предвкушая получение постоянного места в посольстве Турции, он летел по дворцу, как на крыльях. Заранее оповестил братьев и братишек о предстоящем праздновании нового назначения. Невестки уже трепали шкуры зарезанных барашков, родичи застыли в ожидании праздника. Многие мужчины нисколько не скрывали, что хотели увидеть жену Батырхана, раздеть её глазами. К тому же у Батырхана появился сынок, их новый родственник. О том, что

это было чужое семя, знали только трое: сам Батырхан, старая ханум и аксакал Бабекбай.

Конечно, родственник не мог быть кровным, он родился от презренной нации женщины. Поэтому никаких праздников по этому поводу не было. Братья что-то спросили об обрезании, аксакал, глава рода Бабекбай объявил, что всё будет по обычаям: и обрезание, и первая ослица.

Каждый мужчина рода молча проглотил неродовое имя своего племянника. Старшие злились молча. Средних лет – понимали, что у сына Батырхана совсем другая судьба. Ему будут открыты ворота за рубеж.

Маленький Захарка сосал титьку и ни о чём не задумывался. Батырхан гладил его крупную головку по тёмным волосам и умилялся. Кто скажет, что это не его сын? Такой же нос, такие же тёмные глаза. Как у Беллы!

От мыслей о жене и ребёнке отвлёк секретарь, исполняющий роль слуги при ЦК КПСС.

– Уважаемый Батырхан, тебя ждёт первый секретарь! – сказал он и распахнул двери Приёмной. Ступая по красному сшитыми золотой нитью ковру, Батырхан прошёл к полированному столу.

Глава партии республики поднялся из-за стола, пожал руку прибывшему.

– Здравствуй, дорогой! Как работалось?

– Очень хорошо, спасибо.

– Как здоровье уважаемых: Бабекбая, Бекбулата, Хану-

мы... – Глава последовательно перечислил всех старших рода Батырхана, не пропустив ни одного человека.

– Спасибо, всё очень хорошо! – настроение Батырхана всё больше поднималось. От участия первого секретаря ЦК душа запела, как сказочная гурия. Захотелось пуститься в пляс. Батырхан улыбался так сильно, что судорогой свело челюсти. Но, в следующий момент, он едва не поперхнулся своим счастьем.

– Мы тут посовещались и решили: пора тебе, дорогой Батырхан, стать посланником Родины! Но не в Турцию. Это далеко и непонятно. Мусульманская, чуждая нам страна. Капитализм, понимаешь.

Под сладкой речью Батырхан расслышал отставку. Теперь всё его будущее зависело от дальнейших слов этого грузного человека. Оставалось лишь улыбаться и кивать.

– Станешь славить республику за её пределами. Это очень–очень большая честь, понимаешь. Будешь строить коммунизм по всему Советскому союзу! – Первый секретарь рубанул воздух сжатым кулаком и, подавив сочувствие, улыбнулся.

– Готов к любым назначениям, аке! – вытянулся в струнку Батырхан.

– Ай, хорошо! – Первый едва не хлопнул в ладоши. – Через неделю выезжаешь! Супругу, сыночка, а так же, – он подмигнул, – сотрудников – друзей семьи заберёшь с собой! А мы тут будем ждать вестей о твоих славных победах и свер-

шениях!

Батырхан закивал. Его подбородок задрожал. Земляки выпихивали его прочь, разрешая забрать домовую прислугу. И ничего изменить нельзя. Он встряхнул плечами и взял себя в руки. Ещё после визита к старшему жюза он предвидел нечто похожее, но чтобы вот так, прочь от земли предков?! И всё из-за этих глубоких глаз, несчастных без него — настоящего мужчины. За эти глаза можно пережить и не такое. Глаза Батырхана высохли, слёзы так и не проступили. Дурацкая улыбочка стала обычной радостной эмоцией. Наконец-то никто не станет его осуждать: ни словом, ни молчаливым кивком с цоканьем языка. Теперь Батырхан сам себе хозяин! Диковинный экземпляр образованного азиата.

– Молодец! – похлопал его по плечу первый секретарь компартии республики. – Передавай привет уважаемому Бабекбаю, Байбеку, Хануме...

Сказочный той не состоялся. Проводы Батырхана с семьёй и свитой заняли несколько минут. Два вагона СВ – вот и вся команда! Микропартийный аппарат транспортного управления в полном составе. Им предстояло вербовать людей из Республики и близлежащих населённых пунктов для строительства стратегических дорог — прямого пути в коммунизм!

Восьмикомнатная квартира в столице Республики оставалась за семьёй Байбековых. Никто не имел права поселиться в ней, а за порядком следили работники родственников.

Бабекбай лично навещал огромные лоджии второго этажа, наслаждаясь запахами зреющего урюка, гулял по оранжерее, пожёвывая насвай и всё думал, думал о судьбе непутёвого сына.

Глава 6

Захар Борисович, с отчеством на русский манер, но с фамилией знатного рода — Байбеков, рос и изменялся на глазах. Его тёмные в младенчестве волосы посветлели и стали русыми. Плечи раздались, а ноги замедлились в росте, превращаясь на глазах в мощные опоры ещё лёгкого тела.

Белла смотрела на сына и не могла налюбоваться им. Захарка с каждым годом всё больше походил на беспутного красавца отца. Всякие чувства к Болтунову давным-давно улетучились — телосложение маленького Байбекова приносило ей только эстетическое наслаждение.

– Настоящий Самсон! – хвасталась она перед папой.

– Так и назвала бы, по-человечески, – бурчал Исайя Моисеевич.

Он никогда не приезжал в гости к дочери. Во-первых, неизвестно куда – жизнь дочери постоянно на колёсах. Во-вторых, одних убытков сколько! Со времён развитого социализма Шиллинг обеспечивал столько заказов, что не мог отдать дело в руки конкурентов ни на один день. Ни на один час! Жёны партработников из самой Москвы, наглядевшись на местных обезьянок увешанных золотом и бриллиантами,

как с ума посходили. Каждая старалась выпендриться перед подругой. Материала было предостаточно, клиенты не скупились. Шиллинг начал всерьёз задумываться об именном клейме на изделиях. К сожалению, дочь была единственным ребёнком, и дело пропадало. Племянник родного брата мог продолжить династию только теоретически. Даже написать, не то что позвонить за рубеж почти придворному ювелиру не позволяли. В открытую не возбранялось, но Исаяя острыми кончиками волосатых ушей чуял взгляды товарищей в серых пиджаках. И никогда не забывал об их честности и неподкупности, о которой знал не понаслышке.

Исаяя Моисеевич хорошо понимал дочь. Ещё бы, столько пришлось пережить вместе с ней. После смерти Сары Белла совсем распоясалась. Порою Шиллинг хотел вовсе отказаться от неё. Такое поведение не поощрялось в его среде. Перепробовав многих мужчин, она остановилась на хаме и пьянице Болтунове. Дал же Создатель фамилию! Второй муж Беллы был надёжен, но выбился из своей семьи, что тоже не сулило лучших перспектив. Когда дочка забеременела двойней, первым делом прибежала к папе. Кто ещё утешит и поймёт?

Конечно, двоих не поднять с мужем пьяницей. Исаяя одобрял решение дочери избавиться от одного из близнецов. К сожалению, советские врачи категорически отказались. Не помогли никакие связи и знакомства. Исаяя Моисеевич не мог понять, почему ему суждено жить в этой ужасной стра-

не, где его судьбу решают все, кому не лень? Теперь у него есть внучка и внук. В разных семьях, если конечно вертеп Болтунова можно назвать семьёй. Болезная девочка и со слов дочери, богатырь мальчишка. Иногда Шиллинг вспоминал о них, несколько раз порывался выслать им денег, но всякий раз рука не поднималась.

Однажды, дойдя до почты, Исайя Моисеевич заполнил бланк на сто рублей, но ручка перестала писать на месте адресата. Он воспринял это хорошим знаком. В самом деле, кому посылать? Без того богатому партийному зятю, чтобы обидеть его ничтожностью суммы? Или Болтунову, которому этих денег не хватит и на неделю беспробудного пьянства?

С годами Исайя стал предусмотрительнее, он прислушивался к несвязной речи Генерального секретаря по телевидению и делал выводы. Прогнозы были малоутешительными. Людей богаче становилось всё больше, а всемогущее государство продолжало завышать цены, исключительно «по просьбам трудящихся». Разумеется, «под нескончаемые аплодисменты». А бедная интеллигенция оказалась над ковалейней пролетариата под молотом власть имущих. Конечно, до еврейских погромов не дойдёт, но нечто похожее назревает. Исайя решил прощупать каналы отъезда. Осторожно, исподволь. Он отдавал себе отчёт, что на это уйдёт не один год, но необходимость отъезда назрела. Разумеется, Шиллинг не сказал дочери ни слова. Мелких отпрысков с их наследствен-

ностью вовсе не принимал в расчёт.

Исайя Моисеевич потихоньку начал превращать свои за-
начки в капитал, который можно гарантированно вывезти
в светлое зарубежное завтра.

Глава 7

Удивительная разница между здоровым и больным. Если обычный человек не задумывается, где находится центр Земли, то всякий заболевший точно знает, что именно он и есть центр Вселенной. Именно вокруг больного всё крутится и вертится, двигается и суется. Только хворому человеку суждено оставаться в стороне от общего счастливого круговорота: справа и слева, спереди и позади него веселятся и радуются окружающие люди. Со стороны их движение напоминает Броуновское. Когда болезнь затягивается, человеку ничего не остаётся делать, как наблюдать за всеми окружающими.

Сверстники Ларисы как ошпаренные неслись по домам, едва заслышав звонок с последнего урока. Прыгали и скакали, смеялись и плакали – они жили. Лариса оставалась в классе одна. До той поры, пока дежурные не начинали уборку. Тогда учительница выпроваживала её с сочувственной улыбочкой. Лариса смотрела на неё, читая мысли. «Вот сейчас, приду домой, перекушу и позвоню подруге. Или нет, позвоню подруге, а потом перекушу. Она копуша, пока соберётся. Тем временем всех мало-мальски пригодных мужич-

ков растащат по уголкам. И опять останутся свободными елевяжущие лыко «благородные джентльмены». Этак никогда не выйти замуж»!

Лариса не понимала. Зачем учительнице выходить замуж. Папа, к примеру, совсем не собирается жениться.

– Лариса! Ты уже справились с домашним заданием, отдыхай! – сказала учительница, просмотрев тетрадку ученицы Болтуновой. Учительница давно перестала удивляться способностям Ларисы. На сегодняшнем уроке, пока бестолковый одноклассник плавал у доски, Болтунова успела выполнить домашнее задание!

– Елена Григорьевна, а если составить другую пропорцию? – спросила Лариса, глянув на учительницу.

Глаза ученицы выражали тайное глубокое знание. Елена Григорьевна почувствовала себя голой. Она поёжилась.

– Попробуй дома, – разрешила Елена Григорьевна. Всё же личная жизнь дороже судьбы гениальной калек.

– А если этот опыт проделать с электрофорезом, а? – заговорщицки подмигнула Лариса.

Елене Григорьевне вдруг захотелось подпрыгнуть от радости. Жизнь показалась ей не такой скучной и сирой. Недаром она тратит время на таких вот сопливых девочек!

– Реакция пойдёт в сотни раз быстрее, но откуда тебе это известно?

– А разве молекулярная масса серебра меньше чем у меди, Елена Григорьевна?

– Ты сама это отлично знаешь, – улыбнулась учительница.
– Пойдём, Лариса, я провожу тебя до дома!

– Елена Григорьевна, вы куда-то спешите, я дождусь папу в раздевалке, ладно?

Учительница вздрогнула. Это маленькое дарование читает её мысли! Елена Григорьевна усмехнулась.

– Я успею, – сказала она вслух.

Лариса не позволила помочь одеться, Елена Григорьевна стояла у стены, сложив руки на груди и перебирая пальцами. По дороге она не знала, как быть. Взять девочку за руку или идти рядом, в готовности в любой момент подхватить Ларису на руки?

Ученица несколько раз останавливалась, без стеснения опиралась на руку Елены Григорьевны, затем продолжала идти.

– Вот и наш дом, не желаете зайти, Елена Григорьевна?

– Зачем? – Елена Григорьевна вздохнув, посмотрела на часы. Какая уж теперь дискотека «для тех, кому за тридцать»?

– Хотите узнать ещё один способ решения задачи?

– Хочу! – Елена Григорьевна тряхнула чёлкой. Если про электрофорез Лариса могла сдать с учебника старшего класса, то методы бионеорганической химии она знать никак не могла!

– Тогда пойдёмте? – Лариса протянула руку, и учительница машинально взяла её.

Они медленно поднимались по грязным ступеням. Света в подъезде не было, на лестничной площадке сверху кто-то бубнил. Голоса были мужскими и сильными. Елена Григорьевна дрогнула. Вдруг, это судьба? Если сейчас повстречается тот самый мужчина!

Поднявшись на второй этаж, Елена Григорьевна глянула на лестничный пролёт верхней площадки. У окна темнело два силуэта. Мужчины курили, стряхивая пепел в консервную банку. Никаких бутылок поблизости не было. Елена Григорьевна улыбнулась.

Мужчина отвернулся к окну. Елена Григорьевна разглядела его обтёршуюся кроличью шапку.

Разглядеть что-либо ещё учительнице не удалось.

О дальнейших событиях она узнала от Ларисы, лёжа в чужой кровати.

– Елена Григорьевна! Вы живы!

– Жива, – учительница потрогала голову. Болел затылок. Она посмотрела на ладонь, крови не было. Тогда почему сырые волосы? Елена Григорьевна обеими руками нащупала влажную повязку вокруг головы.

– Вам легче?

– Не знаю. Что случилось?

– Они напали на вас. Я добежала до нашей двери и крикнула папу.

Елена Григорьевна не раз видела этого мощного мужчину с пьяной улыбкой. Она ни разу не общалась с Болтуновым.

Разговоры с пьяными родителями не красят классного руководителя.

– Он выскочил из квартиры и выбросил их в окно.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – Елена Григорьевна приподнялась на локтях.

Лариса пожала плечами, как будто подобные истории случались на её глазах по нескольку раз в неделю.

– Стёкла разбились? – почему-то спросила Елена Григорьевна.

– Не-а! – ответил бодрым голосом Болтунов. – Они вылетели вместе с рамой!

Елена Григорьевна поджала губы. Ей было страшно. Каково, оказаться в чужой постели, абсолютно беспомощной перед пьяным Геркулесом?

– Вас тяпнули кастетом по затылку! – сообщил Болтунов.

– На Ларису они не обращали внимания, посчитав, что она мала ростом и не дотянется до звонка.

– Что они хотели?

– В морге расскажут, – Болтунов утомился от болтовни дрожащей училки и вернулся на кухню к початой бутылочке. Имел полное право! Сегодня на заводе он получил очередную персоналку.

Молча рассуждая, за рюмочкой Болтунов пришёл к выводу, что жизнь удалась. Никто не читает моралей, пенсии заслуженного мастера спорта на водку хватает. Зарплаты кузнеца, если правильно откладывать, вскоре будет достаточно

для операции дочки. Через полгодика ей подправят сердечко, и Лариса станет здоровым ребёнком. Интересно, зачем пришла училка? Наверное, похвалить Ларису. А вон как получилось-то. Нападавших он не знал, разглядывать их лица времени не было. Болтунов сделал у двери вторую кнопку на уровне колена, тревожную, на всякий случай. Дочь нажала на неё, прозвучала сирена. Не отряхнувшись, Болтунов вскочил с дивана. Услышав голос задыхающейся Ларисы, он влетел на площадку раньше, чем раздели училку.

Болтунов разом оценил обстановку. Один человек уткнул головой в подоконник. Судя по всему, баба. Двое, отпихивая друг друга шурудят около её кормы. Лариса задыхается и плачет, сидя на грязном полу. Отставной спортсмен ухватил обоих нападавших в охапку, силой усадил на подоконник и пихнул наружу, выбив раму.

Игоря Борисовича не знали многие из учителей. Он не ходил на родительские собрания. Зато каждый мало-мальски хулиганистый пацанёнок был лично знаком с Болтуновым. Когда один зловредный мальчуган толкнул Ларису, Болтунов в тот же вечер повстречал его вместе с папашей.

– И чё, подумаешь, дети всегда играют! – сказал мужик.

– Это твои первые слова! – выкрикнул разгорячённый Болтунов.

Папаша хулигана, оглядев амбала, проглотил следующую фразу. И не пожалел об этом.

– Если её толкнуть, она сама на ноги не поднимется! Это

ты понимаешь?

– Я ж, это ж, – засуетился мужичок, – не знал.

– А это, твои последние слова!

Болтунов ухватил мужчину за шиворот и шваркнул его оземь. Согнулся, заглянул в посиневшее от ужаса лицо.

– Только сына не трожь, – умолял поверженный.

– Вместе пойдём! Где он?

– Дык, это. Гуляет где-то.

– Пошли! – Болтунов взял мужичка за хлипкую шею и поднял на ноги. От такой помощи тот заскулил.

– Я сам ему ремешка задам, не трожь его, а?

Не обращая внимания на просьбы хлюпика, Болтунов поволок его по всему двору, тыча носом в каждый мало-мальски выступающий над землёй предмет. Хлипкий нос быстро расквасился от контактов с урнами, чугунными ножками скамеек и обломками кирпичей. Перед встречей с бордюром мужичок сдал сыночка. Сам выволок его из квартиры.

Болтунов взял пацанёнка за шкварник, поднял на вытянутой руке, чуть опустил, чтобы поглядеть в глаза.

– Я тебе, сучонку, говорил? – что именно, Болтунов не уточнял. Без того задыхался от злости.

В ожидании грандиозной порки от папаши мальчуган захлопал глазами, крупные капли слёз текли по его щекам. В следующий миг он понял, что самая жестокая порка отца — ничто в сравнении со смертью.

Болтунов встряхнул пацана так, что все внутренности того

опустились до самых пят. Хулиганёнок потерял сознание.

Болтунов пошлёпал его по щекам.

– Что? Как? Папа! Забери меня! – взвыл очнувшийся пацан.

– Ты понял? – спросил Болтунов, успокоившись.

– Я, я всё понял! И всем скажу, чтобы не трогали Лариску–у!

– Вытри слёзы и не нюнь! – приказал Болтунов. – Я шас тебя встряхнул только шутя. В другой раз подброшу так, что проглотишь свои глаза! Не только пальцем, языком своим поганым чтобы не трогал, понял?

– Понял-понял, – залепетал папаша.

– Разъяснишь ему сам! – Болтунов отряхнул руки, как будто только что подержал пыльный мешок. Уходя, он слышал, как папаша продолжил воспитание.

С той поры никто и никогда не вздумал бы косо посмотреть на Ларису. Родители похныкали, пожаловались директору школы, на том и дело кончилось.

– Он спортсмен, понимаете-да?

Наверное, кое-кто и не понял, что имел в виду директор, но каждый родитель строго-настрого запретил своему ребёнку прикасаться к Болтуновой Ларисе.

– Я чуть язык не проглотил, а он сказал, в другой раз глаз на жопу натяну! – хвастался хулиган перед своими друзьями.

Болтунов выпил ещё. Захотелось поболтать. Дочь не лю-

била, когда он был пьяным. Болтунову приходилось скрываться в своей комнате. Теперь же, когда училка в доме, Лариса не станет скандалить. Когда дочь волновалась, начинала задыхаться, Болтунов не знал чем помочь. Он бегал вокруг неё, хватал телефонную трубку, вызывал «скорую», просил прощения у Ларисы. Неизвестно что помогало, но Лариса начинала дышать ровнее, тогда Болтунов набирал «Ноль–два», чтобы отменить вызов.

Сегодня же был особый случай.

– А как она учится? – спросил Болтунов первое, попавшееся в голову.

– Хорошо, – дрожащим голосом ответила Елена Григорьевна.

– Вы что, меня боитесь?

Лариса посмотрела на папу, наморщив нос.

– Меня боятся только хулиганы.

– А они? Живы? – спросила Елена Григорьевна.

– Это ваши знакомые?

– Нет.

– Тогда не о них речь, – сказал Болтунов, присев на табурет. Он собрался беседовать, а на свете много приятных тем, кроме каких-то ублюдков. Но Болтунов ошибся. Других тем у него не было.

В дверь настойчиво позвонили. Вначале раздалась переливчатая трель. Затем, скромные стуки.

– И какую падлу принесло? – едва слышно пробормотал

Болтунов, поднимаясь.

Пока он дошёл до коридора, в дверь уже долбили ногами. Болтунов включил свет, чтобы ослепить входящих. Затем он раскрыл двери и, не разглядывая сколько их там, держа швабру как руль мотоцикла, рванул вперёд и спустил с лестницы незваных гостей.

Наряд милиции вывалился на холодную землю.

– Поднимайся! – сказал Болтунов, упавшему у дверей квартиры. Он встряхнул мужичка. Тот что-то вякнул. В полоске света из щели приоткрытой двери квартиры Болтунов увидел отблески овальной кокарды.

– Мент, что ли?

– А–я.

– Если не везёт, то по-крупному. Зачем пришли?

– Ордер на арест.

– Кого арестовывать? Меня?!

– Болтунов! – прокричали снизу. – Мы стрелять будем! Сдавайся сам!

Болтунов понял.

– Стойте, где стоите! Я сам сейчас спущусь! Если ты, падла, двинешься, – предупредил он дёрнувшегося милиционера, – я дух те вышибу!

– Сказал же, – он перешёл на шёпот, – выйду сам. Только попробуйте разволновать дочку!

Милиционеры молчали. Осложнений не хотелось.

Болтунов вернулся в квартиру, велел подождать. Спустился

пять минут разрешил долбиться в двери, стрелять и делать что угодно.

– Елена Григорьевна! – сказал он трезвым голосом, удивив учительницу. – Вы можете встать, пройти на кухню?

Елена Григорьевна тотчас поднялась.

– За мной пришли менты. Наверное, из-за тех придурков. Вы бы не могли переночевать у нас? Не знаю, что случится с Ларисой, если она узнает, что меня арестовали. Или возьмите её к себе до завтра, а?

– А как вы объясните свой уход на всю ночь?

– Вызвали на работу. Меня часто вызывают.

– И ребёнок остаётся один?

– Что вы? – Болтунов покачал головой. – Я беру Ларису с собой. Возле кузницы есть почти стерильная комнатуха со всеми удобствами.

– Стерильная? – возмутилась Елена Григорьевна. Перед её глазами возникла грязная кладовая с железными стенами и рваным матрасом на бетонном полу.

– Стерильность, это важно, – сказал Болтунов. – Так, вы согласны?

– А если Лариса догадается?

– Вы у нас в гостях в первый раз. Сейчас темно. После случившегося идти домой нельзя. Я попросил вас ночевать с Ларисой, что тут такого?

– Да, вам действительно никто не может отказать, – улыбнулась учительница, оглядывая мощные плечи Болтунова.

– Спасибо.

Болтунов накинул куртку, сунул в карман паспорт. Деньги оставил дома, всё равно ошмонают.

– Лариса! Твоего папу срочно вызвали на завод! – сказала Елена Григорьевна, выйдя из кухни. – Он попросил меня переночевать в вашей квартире, если ты не возражаешь, конечно.

Лариса хлопнула в ладоши. Наконец-то удастся показать Елене Григорьевне свой собственный, как она считала, метод решения задачки!

– Игорь Борисович! – Елена Григорьевна побежала вслед уходящему Болтунову, жестом попросив Ларису остаться в комнате.

Лариса присела на краешек дивана, улыбнулась. Неужели, ей теперь придётся жить с Еленой Григорьевной? И Лариса сможет вечерами разговаривать с умной женщиной! Папа решил жениться второй раз? Елена Григорьевна больше не будет мечтать о муже?

– Я вас провожу! – сказала Елена Григорьевна.

Лариса сунула в рот кончик одеяла, чтобы не рассмеяться вслух.

– Куда вы его забираете? – спросила учительница у представителей власти.

– В Централку.

Мужчины спустились молча. Елена Григорьевна вернулась в квартиру. Лариса решила ознакомить учительницу со

своим жильём. Они прошли по всей квартире, заглянули в чулан, оглядели обе комнаты и на редкость просторную кухню. Елена Григорьевна ходила с приоткрытым ртом – обстановка никак не соответствовала облику Болтунова. Всюду чисто, почти стерильно. Мебель стояла не новая, но и не древняя. Скорее, вчерашнего дня, определила Елена Григорьевна. У неё не было и такой. Сервант в сравнении со стенкой Болтунова выглядел бы доисторическим огрызком. Большая, почти квадратная кровать, на которой спала девочка, видимо, предназначалась для более сладостных ночей. Вероятно, на ней и зачали бедную Ларису.

– Ваша мама пишет?

– Она не умеет, – Лариса покачала головой и развела руками. Будто сказала: «Вы что, не понимаете, моя мама из дикого племени!»

– А ты видела её хотя бы раз?

– Никогда.

– Может быть, она уже умерла?

– Вряд ли, – девочка пожала узкими плечами.

– Папа часто уходит на работу в ночную смену?

– Мы ходим вместе! – Лариса выпятила вперёд грудь. Неразвитые молочные железы смотрелись жалко. Бедная девочка, Елена Григорьевна едва не расплакалась.

– Он не заставляет меня ничего делать! – по-своему поняла Лариса появление грустных морщинок на лице учительницы.

– Что ты, Лариса! Я даже и не думала об этом!

«Верно», – мысленно отметила Лариса, – «ты думала совсем о другом. Боишься, что я начну разговор о химии? А я начну! Потому что про какую-то маму я разговаривать не хочу и не буду»! В такт своим мыслям Лариса топнула.

– Поужинаем? – улыбнулась Елена Григорьевна.

Девочка подхватила, взмахнула руками, как это делают бабушки, заболтавшиеся на лавочке тогда как дома дел не проворот. Елена Григорьевна не удержалась, хихикнула. Она прикрыла ладошкой рот, но Лариса уже не видела её. Как истинная хозяйка, девочка поспешила на кухню. Бегать она не могла, но передвигалась достаточно быстро. При этом походка девочки изменилась. Лариса стала похожей на гусыню, переваливающуюся с ноги на ногу. Елена Григорьевна подхватила девочку под руку, та не вырывалась. Зайдя на кухню, Лариса первым делом заявила:

– На ночь кушать вредно, но мы с папой иногда ужинаем.

– Когда папа бывает трезвым, – не удержалась от реплики Елена Григорьевна.

– А он никогда не бывает трезвым, – беззаботно заявила Лариса и перевела разговор на кулинарную тему.

Из продуктов нашлось несколько яиц, макароны, подсолнечное масло. Лариса попросила набрать воды до половины кастрюли. Самой ей бы пришлось таскать воду от крана до плиты стаканом. Учительница этого не знала, но с удовольствием начала помогать молодой кухарке. Совместными уси-

лиями они отварили макароны, обжарили их на сковородке, разбили туда яйца и всё перемешали, получилось нечто вроде пирога. Лариса разрежала его на четыре части, две достала на блюдца и пригласила учительницу попробовать.

Елена Григорьевна отрезала от куска понемногу, стараясь не чавкать, делала мелкие глотки чая. Она ужасно стеснялась. Встречаясь глазами с Ларисой, Елена Григорьевна опускала веки. Ей стало стыдно за своё поведение. Как школьница, право, перед учительницей. Когда всё наоборот!

После ужина посмотрели телевизор и легли спать. Обошлось без химии, к радости обеих.

На следующий день, пользуясь «окном» перед обеденным перерывом, Елена Григорьевна помчалась в центральное отделение милиции. Она потребовала свидания с заключённым Болтуновым.

– Он не заключённый, а задержанный, – поправил её седовласый майор из дежурной части. – Никаких свиданий с задержанными не положено.

– А когда положено?

– После суда, когда задержанный становится осуждённым.

– А когда суд?

– Откуда взялась такая, дамочка?

– Из школы.

– Вот и беги, учись себе!

– Я классная руководительница дочери задержанного Болтунова и отвечаю за судьбу девочки! – Елена Григорьевна

говорила и чувствовала, что её слова отскакивают от стекла с жёлтыми буквами «Дежурная часть» как горох от стенки. Нужно разговаривать иначе. – Мне поручено коллективом средней школы номер пятнадцать, при поддержке горкома КПСС!

Пароль сработал, пробудил старого майора. Милиционер взял трубку, нарочито нехотя набрал номер.

– Хотят видеть Болтунова! – доложил он, не представляясь и не здороваясь.

– От имени и по поручению! – выкрикнула в трубку Елена Григорьевна.

– Зачем? – спросил равнодушный голос.

Майор пожал плечами, вытянул трубку к окошку. Кивнул просительнице. Мол, разговаривай сама!

– Ребёнок остался без надзора! Несовершеннолетний, раз! Инвалид детства, два!

– Что, три?

– Три – это требование парторганизации средней школы!

– Дайте дежурного офицера!

Елена Григорьевна протянула трубку майору.

– Дурак, Никитка! Немедленно звони Абылханову! Зачем голову морочишь? Тебе дорог погон?

Пожилой милиционер с раскосыми глазами, названный почему-то Никиткой, разом вспотел. Он протёр узкий лоб платком пепельно-серого цвета с обтрёпанными краями. Майор набрал номер телефона, предварительно закрыв

окошко пластиковой заслонкой.

Елена Григорьевна не слышала разговора, но, наблюдая за выражением его лица, поняла — ей не откажут.

– С шумом, с гамом, по-другому не можете, – проворчал старый дежурный, открыв окошечко. – Сейчас доставят. Поговорите в течение трёх минут. И чтобы, ни-ни! – он погрозил толстым пальцем с массивным золотым кольцом.

Елена Григорьевна кивнула, не вникая в смысл «ни-ни». В дежурку завели Болтунова. Он выглядел неплохо. Похоже, многолетний хмель ещё не выветрился из его головы.

– За что посадили? – первое, что пришло в голову Елене Григорьевне.

– За тех уродцев, что из окна выпали.

– А вы тут при чём?

– Есть свидетели, что я выкинул их.

– Откуда? Какие?

– Елена Григорьевна, сейчас не это главное. Вас вызовут на допрос, там всё узнаете. Главное сейчас, Лариса. Пожалуйста, не бросайте её. Она самостоятельно ничего не может. Не в интернат же, при живом отце-то?

– Что вы такое говорите? Вас сегодня же выпустят!

Болтунов покачал головой.

– В камеру! – распорядился милиционер. На его синих тряпичных погонах Елена Григорьевна еле разглядела широкую тёмную от грязи жёлтую полосу. Наверное, не офицер, решила она.

– Возьмите в шкафу деньги, на первое время хватит. А потом отыщите дедушку Ларисы! – успел выкрикнуть Болтунов.

– Почему вы прощаетесь навсегда? – вспылила Елена Григорьевна.

Но Болтунова уже увели, скрутив руки за спиной.

– Я пойду к вашему начальству! – заявила Елена Григорьевна, заглянув в дежурку. Она ожидала, что майор подхватится, объяснит ей, где находится начальник. Начнёт уговаривать не ходить туда, а затем выпустит Болтунова. Но ничего подобного не произошло.

На месте седого служаки сидел смуглый молодцеватый лейтенант. Он улыбался.

– Кто у вас главный? – без прежнего нажима спросила Елена Григорьевна.

Нацмен облизывал губы и смотрел в упор на посетительницу, туда, где в разрезе платья виднелась глубокая ложбинка между мощными грудями.

– Я могу быть главным, – сказал он, поднявшись со стула. Без предисловий он положил руку на плечо учительницы, скользнул вниз, к груди.

– Что вы делаете?!

– Что захочешь, русачка! Всё сделаю!

Елена Григорьевна вырвалась и отскочила к двери дежурной комнаты.

– Не будь дуручкой, – сказал лейтенант, – через койку ре-

шим все твои вопросы!

Елена Григорьевна толкнула двери. Заперто! Она похолодела от ужаса. Кричать? Бесполезно. В этом она убедилась, стоя по ту сторону дежурки. Она решила отбиваться до последнего. Милиционер, улыбаясь, подкрадывался. Он что-то говорил и говорил, не переставая. Елена Григорьевна не различала слов, она выставила руки вперёд ногтями.

Лейтенант в двух шагах остановился.

– Ты кто? – спросил он.

– По поручению, – сказала Елена Григорьевна безо всякой надежды.

– Зачем пришла?

– Я из горкома партии, – Елена Григорьевна не успела договорить. Лейтенант бросился к ней, отпихнул от двери, щёлкнул засовами.

– Иди себе, куда хочешь! А что тут было, ни-ни!

Елена Григорьевна презрительно посмотрела на трясущегося бабника, молча вышла прочь. Как она и предполагала, входная дверь так же задвинута на засов. Ломая ногти второпях, Елена Григорьевна выдвинула массивную щеколду и выпала в распахнутую дверь.

Опрелый зимний воздух показался ей удивительно свежим и чистым. Свобода!

Елена Григорьевна отвернулась к серой стене и разрыдалась. Вот как они могут поступить с каждой женщиной! И такая тоска защемила её сердце, что не хотелось никуда ид-

ти. Только сесть на заплёванное крыльцо и умереть. Как теперь ей вести уроки с их детьми? Лицо в размазанной косметике, платье надорвано на груди. Елена Григорьевна сгорала от стыда. Ей казалось, на позор учительницы в дежурке смотрели все её ученики. Девочки фыркали, пацаны хохотали, не скрываясь. Да она соврала, назвав номер национальной школы. Да, выдала себя за представителя горкома партии, но это ложь во спасение, не так ли?

На крыльцо вбежало несколько человек в форме. Они спешили по своим делам. Елена Григорьевна испугалась. Вдруг, кто подойдёт и начнёт утешать плачущую женщину? А утешать они умеют! Через койку, а потом: «Ни-ни!»

Одним движением Елена Григорьевна обтёрла веки и щёки, подвернула каёмку декольте и, подняв повыше подбородок, сошла со ступеней. Повернувшись в сторону, она сделала несколько медленных шагов, а у самого угла здания МВД припустила бегом, поддерживая юбку.

После уроков Елена Григорьевна пошла к директору. В нескольких словах она разъяснила сложившееся положение с ученицей Болтуновой. Опустив подробности, сказала, что Болтунова по ошибке арестовали. Ненадолго. А его дочь нуждается в постоянном уходе.

– Ясно, – кивнул директор. – Оформляйте её в интернат для детей инвалидов!

– Но, почему сразу в интернат?

– Есть другие мнения?

– Я могу несколько дней побыть с нею.

– Вы как думаете, Елена Григорьевна? Это этично? Вы не родня Болтунову! Что будут думать ваши ученики?

– Я скажу, что родня!

– Зачем вы такая упрямая?

– Марат Касимович, она же не отстающая и не психически больная! Как она будет жить среди детей–инвалидов?

– Такой жизнь, – вздохнул директор. Когда он волновался, не мог выдерживать правил грамматики русского языка.

– Я смогу ухаживать за девочкой столько, сколько потребуется.

– Вы можете поступать, как знаете, но помните, я сразу был против!

– Марат Касимович! У вас есть внуки?

– Да. Мы–ного, а что?

– Как их здоровье?

– Спасибо, Елена Григорьевна, очень хорошо.

– Пусть они никогда не болеют и не увидят ужасов войны!

– Ай, спасибо, дорогая! – расторгался директор.

– До свидания, Марат Касимович!

– До свидания, Елена Григорьевна!

Когда посетительница притворила за собой дверь, Марат Касимович продолжал сидеть в кресле, умиляясь. Есть же что-то в них, людях этой нации. Умеют же найти нужные слова!

Болтунова отца он хорошо помнил. Оформляя дочь в

школу, он едва не вытряс душу директору, заставив оформить Ларису Шиллинг под фамилией Болтунова. Теперь, похоже, Болтунов задел кого-то сверху, а от тех людей пощады не бывает. Ничего этого директор не сказал учительнице Байер, сама умная. Догадается.

Он вызвал к себе завуча по внеклассной работе и велел собирать документы Болтуновой Ларисы Игоревны для оформления в приют для умалишённых детей.

– К какому числу, Марат Касимович?

– Побыстрее, девочка не может сама себя обслуживать!

– А что Байер скажет?

– Какой–растакой Байер? Кто она вообще тут?

– Классный руководитель. Ей необходимо быть в курсе.

– Бахыт Жунусовна! – гавкнул директор. – Не её это дело!

Готовьте документы немедленно! Поиграет молодая Елена Григорьевна в маму и откажется от девочки!

– Да, Марат Касимович! – Бахыт Жунусовна, не смотря на дородную комплекцию, живо присела, поклонилась и выскочила выполнять поручение директора.

Глава 8

– Мне нельзя! – замотал головой Серёжа. К удивлению Захара, он не хотел идти гулять. И это тогда, как договаривались сегодня поломать все девчачьи песочные замки и фигурки, подготовленные на конкурс!

– Почему нельзя-то? – Захар водил краем подошвы ботинка по линолеуму в прихожей друга, оставляя чёрные полосы.

– Мама сказала сидеть дома до её прихода.

– Ладно, раз тебе нельзя, попьём чаю, – согласился Захар.

Пацаны прошли на кухню. Серёжа налил кипятка из позолоченного электрического самовара, плеснул заварки из красивого китайского чайничка. Достал початую коробку конфет.

– Чего тебе дома сидеть, не пойму.

– Должен придти мастер, телик починить.

– Когда?

– Часам к двум.

– А сейчас сколь уже? – Захар стукнул пальцем по наручным часам: «Командирские» – подарок мамы к 23 февраля.

– Ого! На полчаса опоздал!

Сергей пожал плечами.

– Телик-то какой? «Панасоник» или «Восход»?

– Дурак, что ли? – обиделся Сергей.

– Значит «Панасоник», – понял Захар. – Кстати, я могу починить сам!

– Как?

– Главное, коробку снять сзади, а потом ясно будет! Батя чинил сам, я видел! Шас если починим, пойдёшь гулять?

– Точно знаешь? Не сломаешь?

– Дело плёвое! Пошли! Где тут наш больной?

– Ни звука, ни соображения, – словами отца сказал Сер-

гей, показывая на телевизор.

– Э-э! Да у тебя не «Панасоник»! Там по-другому пишется, я точно знаю.

– Да пошёл ты! – разозлился Сергей. – Не знаешь ничего, зачем врёшь?

– Я-то не знаю? Это ты ни в чём ни рубишь! Тащи отвёртку, плоскогубцы и эту, – Захар щёлкнул пальцами, припоминая мудрёное словечко, – стамеску!

Пока Захар осматривал крышку телевизора: где тут и что откручивать, Сергей искал инструменты. Он рылся в отцовом ящике, вытаскивая диковинные инструменты с круглыми деревянными ручками. Плоскогубцы и отвёртку он отложил в сторону, а стамеску отыскать не мог. Напильник, паяльник, ещё куча всяких острых и закруглённых железяк – какая из них стамеска? Он покидал инструменты в ящик как попало и приволок всё это в зал.

– Помогай тоже, – разрешил Захар, – бери эту отвёртку, а я возьму эту.

Вдвоём они открутили заднюю крышку телевизора. Дальше – дело мастера боится!

Мастер Захар нахмурился.

– И где у тебя тут лампочки?

– Да вот же! – Сергей ткнул отвёрткой в кинескоп.

– Ты что, дурак? – хлопнул его по руке Захар. – Щас взорвётся!

Он сделал страшное лицо. Серёжа перепугался и залёг на

пол, закрыв голову руками.

– Да не бойся! Я ж не дурак, из розетки-то вырубил!

– А–а, – протянул Сергей, вставая, – и что там сломано?

– Ты сюда лазил? – строго посмотрел Захар, подражая настоящему мастеру.

– Зачем?

– А кто лазил?

– Да почему, кто-то лазил-то?! – разозлился Сергей. – Давай, прикрутим обратно, если ничего не соображаешь!

– Это ты не соображаешь! Смотришь, как баран! Сядь в сторонку, не мешай!

Сергей послушно сел на стул, сделав вид, что не следит за работой Захара.

Тем временем Захар тупо смотрел на разноцветные, покрытые мохнатой пылью коробочки, недоумевая, как это всё превращается в кино?

– Хозяин! Врубай телик! – приказал он, воткнув отвёртку между лампой кинескопа и какой-то фиговиной с намотанными медными проводками.

Хозяин воткнул вилку в розетку. Захар предусмотрительно отошёл к стене.

Телевизор загудел.

– Вот, видишь! – обрадовался Захар. – Звук появился! Сейчас будет...

Договорить он не успел. Телевизор не взорвался, но в комнате завоняло жжёным. С обратной стороны телевизора по-

шёл дым.

– Вырубай, дурак! – заорал Захар, закрыв лицо ладошкой.

Сергей с опаской, двумя пальцами за шнур, выдернул его из розетки.

– Сломал! – сказал Сергей.

– Не хнычь! Распахни форточку, чтоб не воняло!

Сергей открыл двери балкона. Дым быстро вышел из комнаты, но запах гари остался.

Захар подошёл к телику с обратной стороны, посмотрел.

– М-да, наделали мы с тобой делов!

– Мы наделали? Это ты всё поломал! «Знаю–знаю»! Что ты там знаешь? Сам и есть — настоящий дурак!

– Чё сказал? Я те щас в морду дам!

– Сдачи получишь!

Пацаны распалились. Ещё немного и подрались бы. Но Захар был старше на целых полгода и сообразил первым: надо собрать телевизор. Потом придёт настоящий мастер и починит.

– Хватит орать, как баба! Давай прикрутим крышку назад! Ничё там не сломано, как было, так и сделаем!

– Ага, сделаем! Хана мне теперь.

– Да не скули ты под руку! – разозлился Захар. – Лучше помогай! Видишь, отвёртка не достаётся!

Отвёртка прикипела к какой-то пластмассовой коробочке и не хотела выниматься из телевизора. Оба пацана дёргали

её поочерёдно, затем вместе – ничего не получалось.

– Давай молоток!

– Ты что, совсем?

– Это ты совсем! Хочешь, чтобы родки узнали, что ты лазил сюда?

Сергей этого не хотел. Не хотел он и дальнейшего «ремонта», тем более, молотком!

– Разобьёшь всё, а мне голову открутят! – он начал всхлипывать.

– Да не бойся ты! Сам поправишь, я покажу как.

Сергей согласился. С молотком в руке он подкрался к телевизору.

– Видишь, отвёртка торчит, мешает крышку привернуть?

– Вижу, – шмыгнул носом Сергей.

– Надо по ней стукнуть, чтобы не мешала. И всё.

– Всё? – с надеждой спросил Сергей.

– Я-те когда врал?

– Ладно, – Сергей с опаской постучал по кончику ручки отвёртки. Никакого результата.

– Дай, я!

Захар стукнул смелее, но отвёртка не двинулась с места.

– Давай что-нибудь потяжелее!

Серёга приволок из кладовки туристский топорик.

– Если обрубить отвёртку? – предложил он.

– Ну, ты полный идиот! Как железо рубить-то? Давай-ка, пилку по металлу! – сообразил Захар.

Сергей вынул из ящика лобзик.

– Это, что ли? – спросил Захар и прикусил язык. Выдал себя, что никогда раньше не видел пилки по железу.

– Наверное.

– Наверное! – передразнил друга Захар. – Давай сюда!

Попилив отвёртку он быстро устал. Получалось очень плохо. Пилка дурацкая, как и хозяин. Скользит туда–сюда. Но ничего не отпиливает, а только царапает! Захар со зла полоснул по ручке отвёртки, получилось! Пластмасса пилилась легко, просто загляденье!

Вскоре торчащая отвёртка была укорочена на половину рукоятки и не мешала надеть крышку. Пацаны, пыхтя, ввернули верхние болты. Нижние – выпадали, не желая вставать на места.

– Это чё за пластилин у тебя на отвёртке? – спросил Сергей.

– Да это же твоя отвёртка! Моя-то в телике осталась! От ты дурак, так дурак! – схватился за голову Захар.

– Чего это я дурак-то? Кто дурак-то! – начал закипать Сергей.

– Да ты же пломбу сорвал, понял хоть? Я-то думал, пломбы нету, потому и спросил, кто тут лазил! Эх ты, балда! – он сделал дружеский подзатыльник.

– Как теперь?

– А никак! Скажем, приходил мастер. Алкаш! Что-то покопался и ушёл. Вот и всё. И ты не получишь, и телик целый

будет.

– А эти болты куда?

– Положим их на телик. Будто бы мастер бросил. Он же пьяный был, понимаешь?

Серёга расхохотался. Он всё понял.

– Пошли теперь на улицу! Итак целый час прокопались с тобой!

– Ага. А Батя придёт, включит телик, и завоняет!

– А ты скажешь, ничего не знаю, мастер не доделал!

– А батя позвонит в ателье!

– Ателье уже закроется. А завтра всё забудется. Пошли к инкубаторцам! У них там конкурс фигурок из песка. Завтра придут бабы за призами, а фигурок-то и нет! Сделаем им пустыню Сахару!

– Захар! Вот ты дурак! – рассмеялся Серёга. – Где сахару-то наберём столько? Он представил себе, как Захар будет посыпать фигурки сахаром из бумажного пакета.

– Сам ты дурак! Пустыня не сахара, а Сахара! Там нерусские живут.

– Чурки, как твой батя?

– Мой батя русский!

– А чё морда чёрная?

– Я те щас сделаю чёрную морду! – Захар замахнулся кулаком.

– И глаза как щелочки! – не унимался Сергей.

– А у меня какие глаза? – рассвирепел Захар. Он ухватил

друга за воротник и прижал к стене. Глаза Захара бешено вращались.

– Нормальные, – прошипел Сергей, – отпусти, дурак!

– А морда у меня чёрная, тебя, козла, спрашиваю!

– Не ч-чёрная.

– Чё тогда бакланишь?

– Дак, все говорят, что твой папаша чурка.

– А твой — засранец!

Ребята всё же подрались. Через три минуты они сидели друг против друга в прихожей. Один вытирал слёзы, другой промокал кровь из разбитого носа.

– Зачем по сопатке бил? Знаешь, что у меня нос слабый!

Я только позавчера дрался!

– Я-тя за батю урою! Лучше молчи, козёл!

– Сам, баран!

– Да я-тя, ща по стене размажу!

Сергей изобразил боксёрскую стойку. По правилам драки до первой кровянки, он проиграл. Зато до первой слезы – победил. Вероятно, это какая-то другая драка, правил которых пацаны ещё не знали.

Но другой драки не получилось. Забренчал звонок входной двери, прекратив всякие раздоры.

Вошла хозяйка. Мальчишки стояли друг против друга и сопели.

– Чего не поделили? – спросила Серёгина мать, улыбаясь.

– Ничего, – сказал сын.

– А ты что скажешь, Захар?

– Ничего.

– Да, партизаны из вас хоть куда.

– Мама, я пойду гулять?

– Уроки сделал?

– Да! Устно и письменно. Алгебры завтра не будет!

– Почему?

– Нелька на сохранение ложится!

– Как тебе не стыдно, Захар! Какая она Нелька? Нелля Константиновна! На какое сохранение?

– Она арбуз проглотила! – весело доложил Серёга.

– Серёжа, разве можно? – нахмурилась мама.

– Тётъ Свет, он пойдёт гулять?

– Захар, ты выходи во двор, а Серёжа поможет мне сумки разгрузить. Через минуту выскочит! – она полегоньку подтолкнула Захара к двери.

– Посиди пока на лавочке! – сказал ему Сергей.

Едва за гостем закрылась дверь, весёлость мамы куда-то испарилась.

– Зачем ты побил Захара?

– Это он мне нос разбил! – Сергей показал кровавистый платочек.

– Ты зачем побил Захара? – зловеще повторила мама.

– Да он же первым полез!

Захар стоял у дверей и слушал. Интересно, настучит про телик? Друг или портянка?

– Да у нас ничья, мама!

– У нас с ними ничьей быть не может!

Правильно, подумал Захар. Какая там ничья, когда я ему пятак расквасил!

– Почему не может-то? Ничья, да и всё!

Захар услышал вопли Серёги. Похоже, мать взялась за ремень. Больше ничего интересного не услышать. Захар оторвал ухо от замочной скважины. Только он выпрямился, как появился отец Серёги.

– Здрасьте.

– Здравствуй, Захар. Ты к Сергею?

– Я его на улице подожду, ладно? – Захар заспешил вниз.

Он перелетал через две ступени, держась за перила.

Куда помчался, чего испугался? Отец Серёги не понял. Когда он вошёл в квартиру, услышал вопли сына.

– Что за шум, а драки нет? – спросил он с порога.

– Была уже драка! – выкрикнула жена, приложившись ещё раз ремешком к заднице сына. От чего Серёга взвопил ещё сильнее. Он рассчитывал на помощь отца.

– Пусть бьёт каждому в морду! – поговаривал батя. – Иначе на шею сядут и ножки свешают!

Однако на этот раз батя вырвал ремень у матери и врезал сильнее!

– А-а-а! За что? Я ничего не сделал! – слёзы обиды душили Серёгу. – Только сказал, что его папашу все зовут чуркой!

И если его до сих пор только гладили ремешком, то теперь

батья врезал так, что в глазах потемнело.

– Никогда не называй отца Захара чуркой. И чурбаком, понял, идиот?!

– Поня-ал! Только почему ты сам? – договорить Серёга не успел, получив ещё разок. Да по больному месту!

– Ничего ты не понял, – сказал отец, отбросив ремень. – Он наш с мамой начальник. Как он решит, так и будет. Скажет завтра: «Прыгайте в яму с говном»! – прыгнем!

Серёга выпучил глаза. Его чуть не вырвало.

– Хочешь, чтобы мы туда нырнули?

– Н-нет.

– Тогда никогда и ничего плохого об отце Захара не говори! И даже не думай! Разозлится на нас, п`о миру пойдём!

– Это куда?

– С Сум`ой! – пояснил отец. Чем ещё больше запутал Серёгу. Все сегодня по-чудному говорят. Ударения перепутали!

– Это сумка?

– Большая, как мешок. Будем туда складывать объедки и хлебные крошки! А ты так и проходишь с голой задницей до армии!

Батя говорил зло, отрывисто. Сергей решил больше ничего не спрашивать. Хотя никак не мог понять: если пойти по миру в путешествие, зачем собирать объедки в грязный дырявый мешок. Или они возьмут с собой собаку? Про собаку лучше вообще не заикаться, под горячую руку-то!

– Мастер приходил?

– Приходил – соврал Серёга, – ничего не сделал, только навонял.

– Как навонял, в штаны наложил что ли?

– Нет, он пьяный был, да и спалил что-то в телике!

Батя поднял с полу ремень и строго посмотрел в глаза.

– Да Захар подтвердит, он же со мной дома был!

– И что сказал мастер?

– Сказал, потом сделает. Возьмёт только стамеску!

– А почему телевизор из розетки выключен?

– Он и выключил. Сказал, что кто-то копался внутри! Разозлился и ушёл, – продолжал врать Сергей, не ожидая трудностей. Но трудности не заставили себя ждать.

Оказывается, батя ещё днём позвонил в ателье, ему обещали мастера только к концу недели, по причине большого количества заказов. Оказалось, у людей при должностях тоже ломаются телевизоры. А «япошек» чинит только один человек на всю область.

Ни о чём не догадывающийся Серёга смотрел на заинтересованные глаза отца и продолжал заливать.

– К тому же, он был сильно пьяный, даже болтики какие-то оставил. Мы ему сказали, чтобы забрал свои запчасти, а мастер спотыкнулся о порог и упал туда, в подъезд!

– Спотыкнулся?

– Ага! Спотыкнулся и так шмякнулся, чуть себе голову не разбил!

– Значит, спотыкнулся?

– Ну да, мы хотели «скорую» вызвать, но сверху засвистел милиционер, и мастер удрал бегом! – на едином дыхании выпалил Серёга. Только перевёл дух, как получил ремешком.

За что теперь? Всю правду рассказал!

Порка продолжалась. Молчаливая, больная и обидная.

Затем отец заставил открутить панель телевизора. Отпираться не имело смысла. Больно было сидеть. Ноги горели. И руки зря подставлял, дурак, сокрушался Серёга. Плакать больше не хотелось, он деловито открутил болты, снял крышку.

– Это чья отвёртка?

– Наша.

– Кто её туда воткнул? Только не ври за мастера, зашибу!

– Я воткнул.

– Зачем?

– Чтобы починить.

– Врёшь?

– Вру.

– Получишь!

– Ага! – Серёге было уже всё равно. Он совсем запутался. Захара бить нельзя, папашу евонного называть чуркой нельзя, что можно-то?

– Это сделал Захар?

– Нет.

Старший Ковров смутился. Всё не так плохо. Если не сда-

ёт дружка, значит подрались несерьёзно.

– Зачем вы полезли в телик?

– У нас «Панасоник», папа?

– «Джи–ви–си», – машинально ответил отец, – а что?

– Ничего.

– Сейчас узнаешь, как с отцом разговаривать! Я тебя научу Родину любить, покажу советскую власть!

С этими словами отец взялся за ремень. Серёга тупо подставил заднюю часть ниже спины и закрыл глаза. «Ничего больше не скажу и не пикну», – решил он.

Но после первого же удара с воплями, задыхаясь от соплей, которые вдруг потекли слёзами через нос, он прокричал всё, что знал и всё, что про это думает. Напоследок пригрозил завтра же в школе на доске написать, что батя Захара чурек черножопый!

Порка продолжилась и закончилась тем, что два дня в классе Серёга стоял на уроках. Зато отец, как обещал Захару, отпустил Сергея гулять. И все песочные фигурки, слепленные инкубаторовскими бабами ко дню пионерии, были растоптаны, а сверху Захар с Серёгой посыпали стёклами разбитых бутылок.

После за это обоих пацанов забрали в детскую комнату милиции. Отцу Коврова выписали штраф и пригрозили спецшколой для малолетних преступников. Батырхана Бабекбаевича попросили пожурить сына за детские шалости...

Глава 9

Настроение Елены Григорьевны с каждым днём ухудшалось. На работе всё валилось из рук. Дошло до того, что она спутала периоды с рядами в таблице Менделеева и умудрилась вклеить «пару» твёрдому хорошисту. Благо, никто не заметил. Но легче от этого не стало.

Взвалив на себя обязанности няньки Ларисы, Елена Григорьевна вынуждена ежедневно вытирать пыль в чужой квартире, делать влажную уборку и бегать по магазинам.

Маленькая Лариса всё больше раздражала учительницу. Всё-то она знала, всё-то она умела, но делать самостоятельно, увы, не могла. Как только начинала двигаться, сразу задыхалась. Елена Григорьевна плакала по ночам, боясь, что её подопечная умрёт во сне. И тогда посадят, как Болтунова. Только с одной разницей: её как молодую женщину станут пропускать по кругу в дежурке, а в зону отправят иссушенной потаскушкой.

Елена Григорьевна старалась, как могла. Она давным-давно забросила ухаживать за ногтями, о причёске не помышляла. Каждый день с тряпкой в слабохлорированной воде. Вечерами: в один магазин из другого магазина. Позже – тетрадки учеников, по утрам выходы из дома за полчаса до начала рабочего времени чтобы, не спеша, довести эту маленькую дрянь в школу. Елена Григорьевна не раз корила себя за то, что согласилась ухаживать за инвалидкой детства. Но обратного пути нет. В школе уже всем известно, что учитель-

ница химии Байер состоит в дальнем родстве с Ларисой Болтуновой.

Люди удивлялись, как мощная, кровь с молоком, молодая женщина может быть родственницей доходяге? Лариса оставилась в росте с девяти лет. Сердце ребёнка не сумело бы справиться с нагрузкой растущего организма тела.

Елена Григорьевна совсем недавно приехала в этот город, поменявшись квартирами с мамой. Только так можно сбежать от кошмарной жизни с мужем пьяницей. Теперь прошлое казалось ей едва ли не раем. Сдерживать обещание Болтунову и директору школы становилось всё труднее и труднее.

– Итак, вы говорите, что неизвестный напал на вас в тёмном подъезде, – в сотый раз повторял следователь.

– Да.

– И Болтунов вырвался из квартиры и выкинул его в окно?

– Я не знаю, я была в бессознательном состоянии.

– Значит, вы не в курсе, что между ними произошло?

– Нет.

– Вопросов больше не имею! – улыбнулся следователь. – Вы свободны.

– А подписка?

– Какая подписка?

– Вам лучше знать. О невыезде, например.

– Не требуется, – следователь подмигнул: – Вам лучше бы выехать куда-нибудь. Говорят, в соседней области у вас мама живёт?

– Я поняла, – кивнула Елена Григорьевна и, пошатываясь, вышла из кабинета.

Намёк следователя был слишком прозрачен, чтобы не принять его к сведению. А что если бросить всё, да удрать к маме? Оставить больную никчемную вундеркиндку умирать в пустой квартире, уволиться из школы и начать жизнь заново? Не поздновато ли? Не измучает ли совесть до конца дней? Елена Григорьевна знала ответы на эти вопросы, но сил для дальнейшей борьбы не имела. Выйдя от следователя, она брела по широкой улице с ароматом зацветающих ничейных сладких фруктов. Ноги сами привели Елену Григорьевну в уличное кафе, коих по дороге несчётное множество. Она заказала стаканчик ситро и мороженое с курагой. С безучастным выражением лица Елена Григорьевна опускала ложку в позолоченную креманку, клала в рот любимое мороженое, не ощущая вкуса.

Шумная ватага студентов нарушила её тоскливое уединение. Три парня с двумя девушками заняли соседний столик, заказали разных сластей и «пепси-колы».

Елена Григорьевна машинально прислушалась к их разговорам.

– Спихнём сопромат, и айда в горы!

– «Лучше гор могут быть только горы»!

Девушки говорили вполголоса, а ребята их совсем не слушали, трендя о своём, что характерно для всех мужчин. Елена Григорьевна механически отфильтровывала гомон парней, слушая тихую речь девушек.

– И что ты собираешься делать?

– Не знаю. Повешаться, что ли?

Елена Григорьевна вздрогнула, посмотрела на говорившую. Как ни странно, она совсем не похожа на самоубийцу. Похоже, так же думала и подруга.

– Я тебе куплю мыльце и верёвку.

– Спасибо! Ты настоящая подруга! – съязвила девушка с крашеными белыми волосами и чёрными бровями, настолько густыми, что можно заподозрить её кровную связь с Брежневым. Однако крупный нос выдавал её с головой.

– Ты дура, или я не знаю, – фыркнула подруга в ярком сарафане, похожем на национальный халат. – У вас родственников больше чем у местных, а ты ноешь! Пошла бы хоть к Израилевичу, да попросила денег в долг. Всё бы и решило.

– Не знаешь ты Израилевича, – вздохнула подруга.

– Я к нему пойду, мне откажет. Ты придёшь, поможет. Не деньгами, так советом! Не советом, так деньгами!

– А проценты?

– Тебе жизнь дороже, или какие-то проценты? Ни один из ваших не бросит дочь своего племени на произвол судьбы. Все вы одной крови.

– Завидуешь?

– Белой завистью! Ей Богу, когда вырасту, – она хихикнула, – выйду замуж только за еврея!

– Давай, подрастай. Узнаешь потом, почём фунт лиха, – пробурчала подруга.

Елена Григорьевна поднялась из-за стола, оставив недоеденным мороженое. Она нашла выход! Елена Григорьевна не знала неведомого Израилевича, зато вспомнила, кто и как помог ей с мамой разменять квартиры.

«Вы все одной крови. Никто не бросит дочь своего племени...» – не выходило из головы. Надо немедленно обратиться к Исايе Моисеевичу! «Поможет если не деньгами, то советом!»

Елена Григорьевна заскочила в свою квартиру за записной книжкой с точными координатами Исаяи Моисеевича. Переступила порог и ужаснулась. На осевшей пыли можно не только расписаться и оставить отпечатки пальцев, но скатать добрый клубок или снежную бабу!

Надо же, какой контраст с квартирой алкоголика Болтунова, где Елена Григорьевна до сих пор не научилась наводить абсолютную чистоту! Больная девочка ходила следом с тряпочкой и подтирала–подтирала. Это раздражало и выводило из себя, зато теперь Елена Григорьевна поняла, в какой грязи она жила до сих пор. Зато раньше спина не болела, улыбнулась она.

Елена Григорьевна осмотрела стол. В бумагах, разбросан-

ных в рабочем беспорядке, записной книжки не оказалось. Елена Григорьевна спихнула их на пол. Затем, благодаря вновь приобретённой привычке, стала собирать бумаги, сортировать в аккуратные стопочки и складывать в ящики письменного стола. В ящиках тоже ничего не было. Елена Григорьевна заглянула под стол, отодвинула диван и подняла запылённую книжку. Листы слиплись так, будто кто специально смазывал их жиром и посыпал пылью попеременно. Елена Григорьевна брезгливо полистала книжку, нашла адрес старого ювелира, вырвала страничку и поспешила домой. Домой?!

По пути в квартиру Ларисы купила кефир и белый батон. После традиционной уборки, ужиная с подопечной, Елена Григорьевна впервые за последнюю неделю улыбнулась.

Лариса попыталась прочесть мысли учительницы, но запуталась. Похоже, решила она, Елена Григорьевна нашла себе другого жениха. Скоро уйдёт, что я буду делать одна?

– Лариса, я сегодня была у следователя. Он не сказал ничего обнадёживающего.

– А когда папа напишет письмо?

– Когда его отправят по этапу, – сказала Елена Григорьевна и покраснела. Зачем ляпнула то, чего не знает, но опасается больше всего?

– Значит, его посадят.

– Я так не говорила, Лариса! Ещё не было суда!

– Но один из нападавших на вас умер, сломав себе шею.

– Да.

– Посадят, – сказала Лариса, поёрзав на стуле, добавила:

– А вы уедите.

Елену Григорьевну аж подбросило.

– Кто тебе внушил такие мысли, девочка моя? – учительница подошла к Ларисе, обняла её за плечи и разрыдалась.

– Не плачьте, Елена Григорьевна. Всем надо устраивать жизнь.

– Ты говоришь как столетняя старуха, – улыбнулась Елена Григорьевна.

– А мне, между прочим, сейчас шестьдесят! – сказала Лариса, будто похвасталась.

– Как? – взмахнула руками Елена Григорьевна. Для неё шестьдесят лет – запредельная старость. До которой она никогда не доживёт.

– Доктор так сказал, когда меня посмотрел.

– Тебе? – внутри учительницы всё закипело. – Таких докторов надо гнать взащей!

– Не надо их гнать! Он думал, я ничего не слышу, я же была уже в коридоре.

«Шестьдесят лет!» – застучало в голове учительницы. Сколько же живут дети с врождёнными пороками сердца? Не от того ли так умна Лариса?

– Кто-то стучится, – сказала Лариса.

– Нет! – почему-то выкрикнула Елена Григорьевна.

– Слышите, как будто кошка царапается в наши двери!

Елена Григорьевна прислушалась. Точно! Кто-то постукивал ногтями о мягкую дерматиновую обивку.

– Откроем? – прошептала Лариса.

Елена Григорьевна молча кивнула.

Обе прокрались к входной двери.

– Тик-та. Тик-тик-та! – кто-то продолжал щёлкать ногтями по двери.

– Кто там! – спросила Лариса.

– Лариса! – сказал кто-то грубым голосом. – Елена Григорьевна! Я от Болтуна, Игоря Борисовича!

– Зачем?

– Откройте, узнаете! – мужчина закашлялся.

– Откроем? – прошептала Лариса. Учительница, ни живая ни мёртвая от страха, кивнула. Она догадалась, откуда пришел. Елену Григорьевну с детства пугала тюрьма и люди там побывавшие.

Лариса взялась за засов, задышала, засопела. Елена Григорьевна протянула руку и щёлкнула замком, следующим движением сняла цепочку.

– Добрый вечер! – сказал мужчина с ёжиком из русых волос.

– Заходите. Выпьете чаю? – на правах хозяйки предложила Лариса.

– Чаю? Разве ж, у вас чай? – ухмыльнулся вошедший. Увидев недоумённое лицо маленькой коротышки и широкие от ужаса глаза нервной грудастой бабёнки, он улыбнулся, пока-

зав матово-белые металлические зубы. – Извините, некогда. Я вот тут, малявку принёс.

Лариса внимательно разглядывала мужчину в чёрной телогрейке. Куда же он спрятал малявку, за пазуху что ли? Но грудь его не топорщилась, не похоже, что ребёнок за пазухой!

– А где малявка? – спросила Лариса.

– Да со мной тут, – он снял чёрную вязаную шапочку, поседевшую от времени. Вывернул.

Лариса рассмеялась. Елена Григорьевна бросилась к ней, боясь, что девочка задохнётся.

Мужчина, пахнувший затхлой крупой на весеннем складе, вынул из шапки свёрнутую гармошкой бумажку, развернул и положил на тумбочку в прихожей.

– А на словах просил передать только вам, – сказал он, тронув Елену Григорьевну за плечо. Она отпрянула, как от ядовитой змеи. Мужчина то ли не обратил внимания, то ли привык к подобному восприятию.

– Лариса! – сказал гость. – Ты бы, в самом деле, налила мне чайку, в горле пересохло. Долгонько я на волю выбирался.

– Вы как Дед мороз! Только они просят стишок рассказать!

– Расскажешь, обязательно расскажешь, – пообещал, улыбаясь, бывший зэка.

Девочка ушла на кухню, загремела посудой.

– Сказал, что ему хана! – похоже, мужчина устал подбирать приличные выражения. – Один из терпил сынок ба–альшого человека, из начальников. Бабки все у Паши, адрес в маляве! Сама знаешь, как распорядиться. В мусарню башлять беспонтово, не умаслишь. Прокурорским тоже не отстёгивай. Лучше устрой девку в интернат получше. Всё! – выдохнул он.

– Я, я поняла, – Елена Григорьевна прижала ладони к груди.

– Привет Ларисе! Шустрая пацанка, только больно дохлая, – посочувствовал мужчина.

– Чаю не будете? – сама не зная зачем, спросила Елена Григорьевна.

– Благодарствую, пойду поскорее от греха! – он развернулся к двери.

– От какого греха? – не удержалась от вопроса учительница.

– Я семь лет бабы не нюхал, а от вас, гражданочка, прям смердит! – мужчина выскочил в подъезд.

– Где же дедушка Мороз? – спросила Лариса у раскрывшей рот Елены Григорьевны, держа чашку чернящего чая.

– Ты что, одну заварку налила?

– Так он же просил покрепче, а сам удрал! А я могла бы стишок прочесть! – расстроилась девочка.

– Не горюй, он очень спешит, – полной грудью вздохнула Елена Григорьевна, – зато от папы записку принёс.

– Давайте почитаем!

– Конечно, пожалуйста! – Елена Григорьевна закрыла двери, взяла кусок тетрадной бумаги, прошла на кухню.

– Твой папа, тебе и читать!

– Вслух?

– Как пожелаешь.

– Но он тут пишет Елене Григорьевне, вам и читать! – Лариса вернула записку.

– Спасибо Вам, Елена Григорьевна, за заботу о Ларисе. Помогите ей ещё раз. Паша всё объяснит. Вот его адрес, – Елена Григорьевна зачитала адрес. – Это всё.

– Разве это письмо? Точно малявка! – расстроилась Лариса. – А что он вам сказал, когда послал меня за чаем?

– Я ничего не поняла, – сказала Елена Григорьевна, подумав: «До чего же ты умная, часто противно становится!»

– Он приставал к вам?

Елена Григорьевна фыркнула.

– А сказал-то, что? – не отставала Лариса.

– Какую-то белиберду. Про интернат, про бабки у Паши.

– Что тут непонятного? – удивилась Лариса. – Меня в интернат для детей–инвалидов, а деньги на дорогу лежат у Паши!

– Кто такой Паша? – ухватила за слово Елена Григорьевна: говорить хоть о ком, только не об интернате!

– Паша, – девочка наморщила лоб, – папин друг.

– Алкоголик, – вырвалось у Елены Григорьевны.

– Алкоголик! – обрадовалась девочка. – Но добрый. Он такой здоровый, почти как папа.

– Тоже штангист?

– Троеборец! – со знанием дела подчеркнула Лариса.

– У него есть телефон?

– Наверное, – Лариса пожала плечами.

Учительница недоверчиво посмотрела на девочку. Всё она знает, кроме номера телефона друга семьи!

– Может, записан где-нибудь ?

– Зачем ему звонить? Он живёт в доме напротив!

– Тут записана другая улица.

– Его дом угловой, там другой проспект.

– Что может знать этот Паша, кроме рюмки водки?

– Паша знает всё! – сказала Лариса и умолкла. Говорить ей больше не хотелось. Всё уже ясно. Папу посадят надолго. Возможно, он вернётся, когда её уже не будет в живых. Шутка ли, шестьдесят лет? Просить Елену Григорьевну остаться глупо. Ей надо замуж, хотя бы за того деда Мороза. Да и вообще, вон как устаёт Елена Григорьевна. Скоро сама превратится в старушку. Папа был сильный, ему уборка в квартире, как лёгкая разминка! Походит–походит по дому с тряпкой, сбегает на кухню выпьет граммulette и снова убирает. А в конце скажет: «Флотский порядок в танковых частях!» А Елена Григорьевна возится–возится с этой несчастной тряпкой, охает и вечно вздыхает. Интеллигентная дама, так папа о таких говорит.

Лариса не заметила, как заснула сидя за столом.

Елена Григорьевна расшевелила девочку. Увидев её отрешённые глаза, учительница не стала ничего говорить. Она увела Ларису в спальню. Сама улеглась на диван. Разбирать его не было ни сил, ни желания. Елена Григорьевна так и уснула в колготках и халате. И всю ночь её тискали менты с грязными погонами, щипали и дико хохотали. А сквозь щелку из темноты подсматривал какой-то зэк, молодой и сильный.

Проснувшись раньше звонка будильника, Елена Григорьевна чувствовала себя разбитой, больной и старой. Ноги устали, шерстяные колготки кололи кожу.

Принимая душ, она подумала, что все сны имеют материальную, бытовую природу. Кололись колготки, вот и щипали её за ноги во сне, а тискали грудь потому, что уснула на неразобранной постели. Пытаясь повернуться, упиралась в стенку дивана. А молодой зэк в темноте навеян впечатлением от встречи с посланцем от Болтунова.

И всё же неприятный осадок от сна оставался. Ужасно болела голова, а сегодня предстояло ещё столько дел! И к пресловутому Паше зайти, и к старому ювелиру. Елена Григорьевна стукнула себя по лбу: Исая Моисеевич всегда занят, нужно было его предупредить о встрече!

– Исая Моисеевич! – крикнула она в трубку, как только прервались длинные гудки. – Это я, Лена Байер!

– Здравствуйте, очень рад! Какой у вас заказ?

– Я Лена Байер! – в отчаянии повторила она. – Помните мою маму, Сару Байер? Вы нам помогли с разменом квартир?

– Елена Григорьевна, как же! Что случилось, дорогая?

– У меня к вам разговор, можно придти?

– От чего нельзя? – Елена Григорьевна слышала, как старик пожевал губами. – Вы можете прийти в воскресенье в мастерскую. К пяти, вас устроит?

– У меня очень важное дело! – почти выкрикнула Елена Григорьевна, поражаясь собственному нахальству. Но ждать четыре дня свыше её сил!

– Тогда, тогда... Сегодня к семи вечера, в мастерскую, – сказал Шиллинг и опустил трубку.

– О–ох! – шумно выдохнула Елена Григорьевна. Первый шаг сделан. Она немедленно позвонила маме, заручилась её поддержкой в разговоре со старым ювелиром. Не вникая в суть дела, мама посоветовала называть старика не дедушкой, но дядей.

– Ещё лучше, оброни как бы случайно, «папа», это даст желаемый результат! Клади трубочку, дорогая, межгород бесшумно подорожал. Хуже той собаки!

Елена Григорьевна взялась за работу. Галопом по европам пробежалась по таблице Менделеева, задала задачки на дом и отпустила учеников с последнего урока пораньше.

Уже к двум часам, держа Ларису за руку, она звонила в квартиру алкоголика Паши.

Паша встретил их, как родных. Ларисе подарил огромного петушка на палочке, учительницу угостил настоящим бразильским кофе. Никаких возражений он не принимал. Невозможно отказать столь радушному хозяину! Он включил фильмоскоп и выдал Ларисе кучу цветных слайдов.

Девочка позабыла всё на свете, разглядывая красоты разных стран и континентов.

– У меня полторы тысячи денег Игоря, – сказал он, оставшись с учительницей наедине.

Елена Григорьевна молчала. Она предполагала, на сколько этого хватит. Можно купить литой золотой браслет, серёжки и ещё останется на билеты до мамы.

– Заберёшь сразу всё? – исподволь радушный хозяин перешёл на ты. Елена Григорьевна не возражала. Она неотрывно смотрела на его широкие ладони и представляла, как бы он взял её на руки. Было бы удобно, как в младенческой люльке! Не то что бывший муж, который тащил её с лестницы из Загса, подпихивая в поясницу острым коленом, чтобы не уронить.

– Так, что?

– Что? – переспросила Елена Григорьевна.

– Лариску куда? Эти деньги отложены для поездки в Москву на операцию. Теперь достались тебе.

Только сейчас Елена Григорьевна заметила, что хозяин изрядно выпивши. Что-то несвязно он излагает.

– Игорь Борисович поручает мне отвезти дочь на опера-

цию?

– Он бы поручил мне, но, – Паша развёл руками, – дел невпроворот. Детишек обучаю железки тягать.

– Я, я не знаю, – растерялась Елена Григорьевна.

– Просить вас он бы не смог, а мне поручил. Так что, думайте до завтра! Не то, пропью! – улыбнулся Паша. И Елена Григорьевна всерьёз поняла, пропьёт!

– Я зайду завтра! – Елена Григорьевна начала озираться.

– Уже уходите?

– Лариса! Нам пора!

Лариса, счастливая и радостная, вышла из тёмной комнаты.

Паша плавно прикрыл дверь за гостями. Жаль, пропал Игорёк Болтунов! Выпив стакан водки залпом. Паша смахнул горькие хмельные слёзы.

Ровно в девятнадцать ноль-ноль Елена Григорьевна сидела в ювелирной мастерской.

– Леночка, милая, какая беда приключилась?

– Дядя Исая, я совсем потерялась в этой жизни.

– Время — деньги, золотая моя. Рассказывай по существу!

Елена Григорьевна внутренне подобралась и выдала всё, как на педсовете. Рассказывая, она как бы увидела себя со стороны. И сразу изменила тон с назидательного на повествовательный.

– И теперь, когда Болтунова точно уже не выпустят, я оста-

лась одна со своею бедой, – Елена Григорьевна обхватила голову руками, – а в милиции посоветовали уехать отсюда.

– Болтунова, говоришь? До чего же тесен мир!

– Да, я понимаю, – посетительница уловила изменение в настроении старика, – он никчемный алкаш, но он защищал мою честь! А девочка, она калека от рождения и ни в чём ни виновата! Да как я могу бросить её в беспомощном состоянии? И как я смогу помочь ей?

– Где деньги?

– У Паши.

– Полторы тысячи?

– Он так сказал.

– Вот что, дочка, я перезвоню тебе сегодня же. Что-нибудь придумаем, – Исая воткнул себе в глаз лупу и уткнулся в какую-то вещичку на рабочем столе.

– Я очень надеюсь на вас, папочка, – прошептала Елена Григорьевна.

Исая Моисеевич расплылся в улыбке, но не сказал ни слова.

Елена Григорьевна вернулась измождённой. Ноги еле передвигались, а дома её ждала каждодневная уборка. За работой она взбодрилась, начала напевать.

Незаметно для себя Елена Григорьевна заметила, что поёт вслух, а голос её раздваивается. Это Лариса ходила следом с маленькой тряпкой и подпевала.

– «Эти глаза напротив, калейдоскоп огней»!

Обе певицы разом умолкли и захлопали друг другу в ладоши.

Ну, как можно бросить эту милашку, с такими глазами, словно о них эта песня?

Лариса, в свою очередь, глядя на учительницу, приняла её за старшую сестру. На маму, или на тётю она никак не тянула. Хотя по возрасту мола бы быть той и другой.

Семейную идиллию прервал телефонный звонок.

– Деточка моя, куда же ты вляпалась! Бери такси, Ларису и немедленно ко мне!

– В мастерскую?

– В мастерскую, на ночь глядя? Конечно же, домой! Только не медли ни минуты!

– Едем к дедушке? – Лариса узнала голос в телефонной трубке.

– Да. И немедленно! – сказала Елена Григорьевна, не обращая внимания на слова Ларисы. Учительница вызвала по телефону такси, одела девочку, схватила её в охапку и сбегала вниз по тёмной лестнице.

Глава 10

Когда на партсобрании республиканской организации спорта перешли к разделу «разное», в зале воцарилась полная тишина. До этого времени многие шептались с соседями, обсуждая дела поинтереснее, но теперь мужчины как один

вздروгнули. Каждый на миг ощутил себя в шкуре попавшего в беду товарища.

– Вопрос организационный, – провозгласила Ниязова Бибигуль Ахмедовна, – о членстве в рядах партии Болтунова Игоря Борисовича.

Председательствующий уткнулся в бумаги, рядовые коммунисты в зале увидели его лысеющую макушку. Единственное, что он мог сделать для товарища — снять с повестки дня осуждение Болтунова. Но вопрос о членстве в партии был обязателен.

– Прошу голосовать! – заявила Бибигуль Ахмедовна.

– Каковы основания? – задала формальный вопрос представительница горкома партии.

– Нахождение под следствием по особо тяжкой статье, – отрапортовал председательствующий. Паша добавил, чтобы разом обрубить все суды-пересуды, – за убийство.

Женщина в пиджаке поверх плиссированной юбки голубого цвета кивнула, завершив ненужный разговор.

Проголосовали единогласно. Павлу Александровичу было очень стыдно. Рука не поднималась угробить друга, но иного выхода у него не было. Полагающиеся варианты: «кто против?» и «кто воздержался?» никогда и никто не принимал во внимание. Вопросы решали единогласно, либо не выносили на голосование вообще.

– Таким образом, – заключила Ниязова как секретарь собрания, – товарищ Болтунов И. Б. исключён из членства

КПСС, о чём он будет уведомлён в ближайшее время.

– Теперь каюк, расстреляют парня! – высказался вслух почётный пенсионер спорта.

Никто не осмелился сделать замечание человеку, высказавшему мысль каждого сидящего в зале: друга, собутыльника, врага и завистника, – независимо от его отношения к Болтунову. Все знали, что коммуниста может судить только партия. Исключение из рядов КПСС превратило Болтунова в обычного заключённого.

После собрания Паша собрал друзей на прощальную пьянку. Пили молча, не чокаясь. Вспоминали лучшие качества Игоря, поглядывая друг на друга.

– Сегодня мы его закопали, а завтра нас так же! – сказал старый хоккеист, когда все разошлись.

Паша кивнул, держась за сердце.

– Тебя вызывали?

– Нет.

– А кто писал характеристику для суда?

– Слушай, не рви сердце! Мне ещё его дочь нужно пристроить.

Собутыльник кивнул. Оглядел стол, убедившись, что залить горе больше нечем, распрощался.

Характеристику подписывал Паша: «... вспыльчив, упрям, морально неустойчив...».

– В тюрьму с такой характеристикой не возьмут! Что вы мне подсовываете? – возмутился он.

– Павел Александрович, здесь напечатана ваша фамилия третьей! – указала ему секретарша, закончив препирательства.

На суд Пашу не вызывали. Училка не появлялась. Полторы тысячи жгли его душу, но отдать деньги некому. Паша звонил по телефону. В квартире Болтунова никто не отвечал. Паша клал трубку рядом с аппаратом, уходил. Возвращаясь через полчаса, он снова слышал длинные гудки.

Решившись, Паша пошёл в квартиру Болтунова, чтобы отдать деньги Ларисе. Пусть сама распоряжается, коли ей доверено!

Тяжело передвигая ноги, пугаясь взглядов прохожих, Паша еле добрался до дому, стоящему напротив. Держась за покореженные железные прутья перил, с которых давным-давно содрали деревянные поручни, Паша ступал на каждую ступень. Он смотрел себе под ноги, опасаясь увидеть двери квартиры друга.

И не напрасно! Глаза Паши округлились: на двери и косяке приклеена бумага с печатью прокуратуры.

Он бегом спустился вниз. Обтирая пот со лба, Паша нос к носу столкнулся с соседкой у дверей подъезда.

– Что-то хотел? – спросила она.

«Вспотел?» – послышалось страдающему от похмелья Паше.

– Да, есть чуть-чуть, – ответил он.

– Всё вам мало, всё мало! – пробурчала бабка. – Один ра-

му на площадке выломал, другой пальбу устроил на лестнице! У нас тут что, притон какой?

– Кто стрелял? – вздрогнул Паша. Ему показалось, что старуха обвиняет именно его.

– Бегал тут один нерусский, а тебе какое дело? Дружка-то посадили, теперь и тебя заберут! По всем алкашам тюрьма плачет!

Паша молча развернулся и ушёл домой.

Выпив залпом пол-литра пива, он почувствовал прилив сил. Это ненадолго, знал по опыту, потому Паша направился напрямик в пивнушку. И только приняв сто пятьдесят родимой водочки, Паша начал соображать.

Первым делом он направился в школу. Там и училка, там же и ученица! Вот что значит, вовремя не опохмелиться!

– Кто она вам? – спросил директор.

– Племянница, – не моргнув глазом, соврал Паша.

– Так что же вы... – начал директор, но Паша не любил нотаций. Тем более, от школьных учителей. Вышел из того возраста!

– Она не ходит в школу целую неделю! А ведь мы сделали всё, чтобы обеспечить Ларису нормальными условиями, – скороговоркой пролепетал директор, задыхаясь от собственного ворота рубашки, скрученного железными пальцами посетителя.

– Не гунди! – посоветовал Паша. – Где учительница химии?

– У нас их много.

– Слюни подбери! – Паша брезгливо отбросил директора к стене.

– Что от меня нужно? – взмолился Марат Касимович, размазывая по подбородку слёзы.

– Училка химии, – Паша почесал затылок, вспоминая имя, – эта, с большими титьками! Где она?

– Ой! Ой! – завопил директор, закрывая лицо ладошками. Голову он втянул в плечи, ноги поджал коленками к животу.

– Ещё один писк, и он будет последним!

– Её искали уже трое, но Елена Григорьевна Байер не появляется на работе! Она исчезла неделю назад!

– Вместе с Ларисой?

– Да, да! Вместе с Ларисой!

Паша напоследок угрожающе замахнулся и ушёл. Выйдя на широкое крыльцо, он понятия не имел, что делать дальше.

– Дядя, это ты директору сливу накрутил? – спросил пацанёнок лет тринадцати в школьном костюме с оторванной пуговицей на левом погоне. Кончики пионерского галстука были изжёваны, ворот рубахи по цвету слился с посеревшим костюмом. Пацан предусмотрительно отбежал на несколько шагов.

– Я, – сказал Паша, – а тебе что?

– Правильно! – хлопнул в ладоши пионер.

– Ты в каком классе учишься? – спросил Паша и тотчас сообразил, что это ему ничего не даст. Он спросил по-дру-

тому: – Ларису Болтунову знаешь?

– Кто её не знает? – пацан отскочил ещё на несколько шагов.

– Где она? Почему не ходит в школу?

– Еёного батю посадили, вот что.

– За что?

– Убил кого-то, я не знаю.

– Училку Байер знаешь?

– Не-а.

– Что тогда знаешь? – Паша шагнул вперёд.

От страха пацан дёрнулся кзади и ударился о перила. Он взвыл, схватившись за затылок. Паша в два приёма оказался рядом.

– Тебя как зовут?

– Лёха, ой, – сказал пацан, продолжая тереть ушибленный затылок.

– Училка химии, такая вся... – Паша затруднялся подобрать приличные слова.

– Худая с большими титьками? – догадался пацан. Он перестал бояться гигантского мужика.

– Точно! Её зовут Елена Григорьевна. Где она?

– А кто ж её знает? Забрала Ларису и смылась. Говорят, – Лёха зашептал, – её тоже хотели убить.

– Ларису?!

– Вы что? – хихикнул пацан. – Училку химии!

– За что?

– Говорят, она в суд собралась идти, сказать, что батя ларискин не виноват.

– Где она живёт?

– Пойдём, покажу!

– А на уроки?

Леха махнул рукой. Паша понял, пацану хочется приключений.

– Курить будешь? – спросил он Лёху.

– Не-е! Я на улице не курю! – замахал руками пацан.

Они дошли до старой панельной пятиэтажки. Местами штукатурка обвалилась пластами, оголив ржавые рёбра арматуры. У дверей Елены Григорьевны сидел толстый кот с синими глазами. Он тотчас выгнул спину и зашипел.

Лёха отпрянул, спрятался за спину амбала. Паша без усилий поддел кота носком ботинка и забросил на несколько ступеней кверху. Кот перекувыркнулся в воздухе, упал на лапы и замер. Скандальить он перестал, но с места не двинулся. Так и сидел, сжигая взглядом незваных пришельцев.

Паша одной рукой нажал на кнопку звонка, другой забарабанил в двери. Тотчас открылась дверь в квартире напротив. Появилась бабка в цветастом платочке: зелёном, с крупными бардовыми розами. Паша посмотрел на неё и узнал ту же бабку, что отогнала его от дома Болтунова. Или все бабки одинаковы?

– Вы по какому вопросу к Елене Григорьевне?

Павел Александрович смутился. Нет, эта другая бабка!

Та, у подъезда Болтунова была хоть агрессивной, но понятной.

– Мы, вообще-то, – замялся он как поймавшийся в школьной рекреации прогульщик. Старушка смотрела на Пашу, не отрываясь. Совсем как кот–охранник. И глаза такие же. бледно–синие с туманным налётом, будто запотевшие.

– Мы хотим повидать Елену Григорьевну! – сказал Лёха.
– Нам директор поручил!

– Постойте тут! – приказала старушонка. – Сейчас я позвоню Марату Касимовичу!

Прикрыв двери, она повернулась к телефону. Паша смотрел на её голову. Седые волосы заплетены в тонкие косички и уложены на затылке. Тощими змейками с шеи они уходили на макушку, под яркий платок. Сушая Медуза–Горгона!

– Что за чурбак? – спросил Паша у пацана.

– Наш директор! А эта, – Лёха покосился на дверь старухи, – ветеранша. Часто в школу приходит. К директору там, ещё куда.

– Понял, – Паша сообразил, старуха партработник. Коллега. Разговаривать нужно как с равной. Нечего тут стоять и шапку ломать!

Паша толкнул дверь и вошёл внутрь. Лёха прокрался за ним.

Старуха говорила по телефону. Похоже, директора на месте не оказалось.

– Я, Павел Александрович Данилов, освобождённый

парторг республиканского совета по физкультуре и спорту! – заявил Паша, протянув руку.

– Очень приятно, – расплылась в улыбке старушечка. Она тотчас положила трубку, прервав разговор на полуслове.

– Ангела Игнатьевна! – сказала она, пожимая руку штангисту. Кратко с силой, по-мужски. Она пригласила в кухню, на чай.

Паша посмотрел на пацанёнка.

– Пусть заходит, – разрешила бабуля.

За чаем с сушками в крапинку от маковых зёрен, бабуля разоткровенничалась. Рассказ её охватывал интересный период жизни: начиная с Великой отечественной войны, поры эвакуации в Среднюю Азию до ухода на пенсию заслуженным учителем СССР.

Горячий зелёный чай приостановил действие наступающего неизбежного похмелья. Паша, не тратя сил на диалог, сидел и слушал.

Когда старушка выговорилась, заканчивалась третья пиалка чая. Паша пил с удовольствием, гасив нарастающий сушняк. Лёха кривился, досыпал сахара, но чай не переставал быть горьким.

– Павел Александрович, вот что я вам скажу.

Паша подавил зевок. Ему удалось не открыть рот, но скулы при этом свело, как от дольки лимона без сахара. Старуха прекратила рассказывать, но начала докладывать. Коротко, ясно, по-военному.

– Елена Григорьевна вела скромный образ жизни, но не скажу, что аскетический. У неё была сомнительная знакомая, подружка из парикмахерской, Марина. Она вовлекала Елену Григорьевну в нехорошие компании. Неудивительно, что Елену Григорьевну недавно разыскивали хулиганистые типы. Ещё два месяца назад Елена Григорьевна ушла жить к девочке–калеке. Она поддерживала Ларису, помогала, чем могла. А старые дружки, похоже, решили отыскать Елену Григорьевну, вернуть её к себе. Что поделать? Пришлось бедной учительнице бежать отсюда сломя голову. Она бросила всё: квартиру, трудовую книжку! Не удивлюсь, что она не снялась с комсомольского учёта! – кожа на челюстях Анжелы Игнатьевны задёргалась вверх-вниз. Паша понял, достала её соседка!

– Искать Елену Григорьевну бесполезно, – заключил Паша.

– Вам это сильно надо?

– У меня долг, – сказал Паша, склонив голову.

– Я понимаю.

Если б ты понимала, не морочила голову эвакуацией, землетрясениями и вулканами!

– Найдите Марину! – посоветовала Анжела Игнатьевна. Она достала из-под клеёнки на столе бумажку с адресом нехорошей подружки. И это был её самый лучший поступок – Паша расплылся в благодарной улыбке.

– Выпейте хотя бы пива, Павел Александрович, лица на

вас нет, – прошептала она в прихожей, чтобы хулиганистый мальчишка не услышал.

– Спасибо, Анжела Игнатьевна! От всего нашего партийного коллектива!

Старушка расчувствовалась, смахнула слезу и поспешила закрыть дверь, чтобы не увидели её слабости.

– Куда теперь? – спросил Лёха и умолк, посмотрев на посеревшее лицо Павла Александровича. Когда у бати такая рожа на лице — жди порки! Состояние злобного похмелья — не самый лучший момент для разговора.

– Сперва зайдём в пивнушку! – сказал Паша.

В пивной Паша заказал сто пятьдесят и отполировал пивком по совету ветеранши учительского фронта. В голове прояснилось. Паше захотелось домой, посидеть с рюмочкой перед телевизором. Но пацан не отставал ни на шаг. В пивнушке выпил лимонада, поблагодарил, но не ушёл. На улице следовал по пятам, как родной!

– Я иду домой, а ты?

– Я к парикмахерше Марине! Узнать, где наша Елена Григорьевна.

– Да, – Паша встал как вкопанный. Пацан-то больше его переживает! Павел Александрович отвернулся от мальчугана. Он не краснел со времён юниорства.

– Пошли! – сказал Лёха нейтральным тоном. Не попросил, и не приказал. Всего лишь обозначил.

– Ну, ты и наглец! – сказал Паша.

Лёха по привычке отскочил в сторону, но тотчас вернулся.

– Молодец! – похвалил Паша. – Сам такой! – он ткнул себя в грудь: – Пошли к этой курве!

Марина, действительно, оказалась курвой. Лет тридцати, с причёской под подростка, в синих бриджах с измызганными длинными шнурками вдоль бёдер. Глаза бесцветные, с томным ободком вокруг радужки. И зрачок какой-то плоский, заметил Паша. Типичная шалава. С такими он не привык разговаривать подолгу.

– Привет! –дохнул он перегаром в лицо Марины. Для этого Паше пришлось склониться почти до пояса. Это упражнение сразило Марину наповал. От незнакомца пахло мужчиной.

– Здравствуйте. Мы знакомы? – Марина ухватила мужчину за локоть и, судя по всему, отпускать не торопилась. Желание повалить Марину прямо в прихожей, на домотканый коврик показалось Паше правильным и своевременным.

Лёха шмыгнул носом, напоминая о долге. Паше стало неловко перед пацаном.

– Первым делом самолёты! – заявил Паша, выпрямился, от чего Марина повисла на его локте. Закрывая могучей спиной обзор пацану, Паша второй рукой снял Марину с локтя, помацав за грудь. М-да, сделал вывод, порядком истаскана. Как-то сразу всё в нём опустилось. Захотелось узнать, где училка и поскорее исчезнуть.

– Я по поручению, – сказал Паша, придав лицу больше

строгости.

– А зовут тебя как? – Марина по-своему поняла жесты и слова мужчины. У неё, кстати, на ближайший вечер, никого!

– Павел Александрович Данилов, зампред по физкультуре и спорту, – отрекомендовался Паша.

Марина закатила глаза, облокотясь на стену.

Не обращая внимания на её боевые выпады, Паша продолжить гнуть официальную линию.

– Мальчик этот, – он показал толстым пальцем на Лёху. Марина смотрела на размеры пальца и сопоставляла их с предметом в спортивных штанах, – мой подопечный!

– Да! Я ищу Елену Григорьевну! – выпалил пацан. Лёха решил помочь амбалу. Не то Марина полезет целоваться к пьяному мужику, и, прощай спортивная секция!

– Где товарищ Байер? – спросил Паша, выделяя каждое слово. – Марина Андреевна, вы член КПСС?

– Я не Андреевна.

– Не важно! – рявкнул Паша, закипая. Он сам не понял, как расплавился от чар потаскушки. Пацан, и тот, заметил! – Говори, где Байер Елена Григорьевна?

– Вы из милиции?

– Хуже, – выдохнул Паша, – по поручению ЦК!

Марина кивнула. Действительно, хуже. Ей захотелось поскорее избавиться от незваных гостей. Жаль только, не знала Марина о подруге.

– Лена поругалась со мной! – сказала Марина. Правду го-

ворить, оказывается, легко.

– Когда она была здесь в последний раз?

– Неделю назад!

– Где она сейчас? – Паша хрустнул пальцами.

Марина моргнула. Марина воочию представила свою нежную шею в кулаке свирепого великана.

– Она звонила маме! – выкрикнула Марина.

– И?

– Она скрывается от бандитов. Они хотят её убить или изнасиловать! – Марина всё более повышала голос, подбадривая саму себя. Паша медленно–медленно приближался. Мужчина не делал ни шагу, но лицо его становилось всё ближе и ближе!

– Она бросила работу, квартиру и смылась к маме! Куда, не знаю!!!

– Это всё?

– Вы больше ничего не знаете? – спросил пацанёнок.

Марина открыла рот, ответить сопляку, чтобы он подавился собственными словами, но Паша свирепо глянул на неё.

– Да, – прошептала измождённая Марина и осела по стёночке.

Гости ушли, не прощаясь. Марина на четвереньках подползла к двери, защёлкнула задвижку. Вскочила на ноги, схватила телефон и принялась названивать всем подругам, выискивая местечко подальше отсюда. Хотя бы на несколько

дней!

– Я, я не знаю, что мне делать! – визжала она в трубку.
– Сперва эти бандиты, потом, – она переходила на шёпот, – эти, из ЦК партии.

– Чего хотят? – спрашивали изумлённые подруги. С ними таких приключений не происходило. Никогда.

– Того же, чего от Байерши!

– Тогда расслабляйся и получай удовольствие! – советовали подруги.

Марина не оценила их юмора, бросила трубку и разрыдалась. Вот тебе и подружки, не разлей вода! Все они сучки! И зачем только ляпнула про партию? Теперь посадят, как пить дать!

Марина схватила блокнот с телефонными номерами друзей. Ответил только один, на кого она меньше всего рассчитывала.

– У меня беда! – выкрикнула она, не здороваясь.

– Маринка, ты?

– Я, дурак ты этакий! Меня хотят убить, изнасиловать и посадить!

– Не дури, Марина! Приезжай ко мне!

– Не время сейчас, придурок!

– Чего хочешь-то?

– Провалиться сквозь землю, исчезнуть, умереть!!! – иступлённо визжала она до тех пор, пока не поняла, что телефон давным-давно отвечает ей короткими гудками. Марина

искусала кулаки и губы. Она легла на живот, уткнулась носом в пыльный половик и решила умереть. Совсем.

«Придуток» явился через три минуты. Как он добирался и на чём, осталось навсегда загадкой. Даже для него самого. Безнадёжно влюблённый одноклассник прилетел по первому зову.

Марина была рада тотчас выйти замуж за первого дурака, протянувшего руку помощи. О чём она непременно сообщила однокласснику.

– У меня есть условие, Марина, – сказал он, отвлечённо разглядывая покарябанные облезшие обои.

Марину чуть не подбросило. Она сидела на полу по-турецки и не могла слова вымолвить. Сама предложила этому дураку своё сердце, а получила взамен какие-то условия?!

– Ты уходишь из мужского зала в женский.

– Я давно хотела, – прошептала Марина. И в очередной раз за сегодняшний день она не соврала. Толстожопые бабы ответственных работников приходят в парикмахерскую чаще, а толку от них куда больше, чем от их лощёных супругов.

– И следующее, – продолжил он, – мы размениваем обе наши квартиры и уезжаем. Навсегда.

– Да! – не понимая, куда он клонит, Марина просчитывала собственные варианты размена.

– Мы едем жить туда, где тебя никто не знает. И если я хоть один раз увижу, как ты хотя бы пальцем дотронешься до другого мужчины, получишь развод и дырявое корыто!

Согласна? Марина! Времени на размышления у тебя, одна минута!

Она смотрела на бывшего воздыхателя, расширив глаза, и не могла взять в толк: он ли это? Марина промолчала. Она забыла имя одноклассника. Помнила школьную кличку «профессор» и своё собственное произведение «придурок».

Не трата попусту времени, «профессор» заходил по квартире, собирая вещи. Он сложил полотенце, зубную щётку и пасту на тумбочку в коридоре.

Марина смотрела во все глаза за его чёткими движениями рук. Ладонки у него были почти женскими, но от них веяло уверенностью и спокойствием. Придурок стал мужчиной! И хочет вытащить её из никчемной жизни. В самом деле, плюнуть на всё и уехать, родить ему ребёнка или двух. Жить себе счастливой квочкой, или?

Но на «или» времени не было. Перед Мариной стоял «профессор» держа в руках пакет с вещами её личной гигиены.

Марина поняла: сейчас он развернётся и уйдёт. Не будет ни споров, ни слёз. Или будут, но наедине с зеркалом.

– Я возьму документы? – спросила Марина.

– Эти? – «профессор» раскрыл её косметичку, показав паспорт и сберкнижку.

Марина опустила руки. Обратного пути не было. Мужчина взял её под локоток и вывел из собственной квартиры. Дверь он закрыл ключом Марины. Когда взял его и где? Ма-

рина ничего не соображала. Как в тумане замедленной съёмки видела она себя с долговязым мужичком в строгом костюме. Дерзкая оранжевая футболка и синие бриджи совсем не гармонировали с его дурацким сталистым галстуком.

– Аполлон Андреевич! – встретился им мужчина с военной выправкой на выходе из подъезда. Марина улыбнулась. Как могла позабыть столь дурацкое имечко? Теперь все её детки будут Аполлоновичами, во как жизнь поворачивает!

– Это Марина, – представил её Аполлон своему товарищу. Мужчина понимающе оглядел спутницу коллеги.

– Моя, – Аполлон глянул на наручные часы, – без четверти четыре – жена!

Марина видела взгляд встретившего их мужчину. Он не высказал удивления, как будто Аполлон каждый день приводил себе новую жену, да ещё из подворотни, что явно читалось в глазах мужчины.

– Иван Иванович, – приветливо кивнул мужчина. Марина расслабилась.

– Вы работаете вместе с Аполлошей? – кокетливость вернулась к ней.

– Трудимся, – сказал будущий супруг.

По дороге молчали. Иван Иванович припарковался у пятиэтажки в центре города, возле крайнего подъезда.

– Марина! Иди домой, нам надо поговорить! – сказал Аполлон.

Марина машинально взяла протянутые ключи, она чуть

не поперхнулась от злости. Это и есть супружеская жизнь? Ну, погоди, «профессор», я-те задам! Она посмотрела на позолоченный трёхрогий ключ. На первом этаже не подойдёт ни к одному замку! Марина поднялась выше. Что за издевательство, не мог сразу сказать номер квартиры? Но, я-то не дура, найду! Она решила подниматься до самого верха. К счастью, этого не понадобилось. Подходящая замочная скважина оказалась в квартире на втором этаже.

Аполлон не спешил домой! Боясь высунуть нос из окошка, не то, что из квартиры, Марина ходила по комнатам, пинала мебель и злилась. Врубила на полную магнитофон и телевизор. Ноль эмоций! Если Аполлоша, Марина почти привыкла так его называть, уехал со двора? Тогда ей снова угрожает опасность!

Марина выключила телевизор и магнитофон, прокралась на кухню, задёрнула шторы и села за стол. Захотелось есть. Марина пошарила в холодильнике. У холостяка больше продуктов, чем у неё!

Она ухватила колбаску «салями», о которой слышала только в воспоминаниях родителей, отрезала хлеба, соорудила бутерброд. Пива в холодильнике не было. Морщась, Марина запивала холодным чаем. Газовая плита оказалась бесполезной — в доме не было спичек.

– Не хило ты пристроился, профессор! – заговорила она вслух, боясь собственного голоса. – Дуракам, как известно, везёт! Значит, решил меня запереть в золотую клетку? Не

выйдет! Уже права начал качать перед первым встречным!

Чем больше она говорила, тем сильнее крепчал гнев. Голос становился твёрже и громче.

– Ещё квартиру мою решил разменять, совсем захомутать! А другого мужчину, значит, мне и пальцем нельзя тронуть, а? Этого не хотел?! – Марина сложила кукиши на обеих руках, показала их дверце холодильника. – Да я из тебя верёвки сплету, закатаю их в половик и ноги вытирать буду!

Марина заметила, что кричит так, что может оглохнуть. Она разом замолкла. Аполлона всё не было. Злоба выветрилась. Неужели мне так и придётся жить, взаперти? Она заплакала.

– Наплевать! Заведу себе любовника, и он будет меня щупать! Понял, придурок! – выкрикнула она сквозь всхлипы-ванья. – А лучше, двоих!

– А троих, потянешь? – услышала голос за спиной. Вздрогнула. Плечи Марины затряслись. Она разрыдалась.

– Марина! Сходи, умойся. Мне есть что сказать.

Марина молча повиновалась. Войдя в ванную она обомлела. Таких сокровищ, работая парикмахершей, она не видывала. Шампунь, бальзамы–ополаскиватели, яркие иностранные упаковки мыла на пластиковой полочке! Позабыв обо всём, Марина открывала пузырьки и вдыхала нежные и терпкие ароматы. Мыло пахло духами! Она ополоснула лицо. Кем же это «трудится» Аполлоша? Уж не в ЦК ли партии?

Из ванной Марина вышла другим человеком.

– Я слушаю, – сказала она, присев к столу. Марина изо всех сил подражала директорше парикмахерской, которой боялась не только она.

Неприступный строгий тон не подействовал. Одноклассник, уже без пиджака и галстука, в шёлковой белой рубашке и брюках, о стрелки которых можно порезать палец, не собирался ничего говорить.

Аполлон Андреевич щёлкнул тумблером газовой плиты. Зажёгся огонь под никелированным чайником, загорелась лампочка в духовке. Он вынул батон из хлебницы, деловито отрезал обглоданный гостьей кончик, убрал его на подоконник. Там уже лежали похожие сухарики. Марина оцепенела. Это что, каждая голодная шлюшка кусает его батоны? Что это получается, мне никого пальцем не тронь, а он будет тут гаремы устраивать?!

– Для начала поедим, – сказал Аполлон.

– Давай, помогу, – безо всякого энтузиазма предложила Марина.

– Ещё успеешь.

Марина смолчала. Да кто он такой, кто дал ему право так разговаривать?!

– Ешь! – он наложил в кисюшку разогретый плов. Налил чаю в пиалу: чуть меньше половины — с уважением. – Пей чай!

Марина уже забыла, когда в последний раз нормально ела. В вечерних кафе подавали, конечно, и плов, и лагман, но ей

всегда было не до еды. Нужно танцевать, веселясь до упаду, поднять мужчинку, чтобы донёс до дома со всеми вытекающими. Как всё это сделать на полный желудок?

Незаметно для себя, Марина быстренько прикончила плов. Добирая остатки с доньшка, она обнаружила, что в плове, оказывается, был изюм и зелёный горошек. Она взяла корочку хлеба, чтобы обтереть дно кисюшки. В последний момент Марина заметила, что Аполлон украдкой поглядывает на неё. Марина тогда сделала в воздухе плавную дугу и съела корочку хлеба, запив чаем.

– Заделался нацменом? – спросила Марина.

– Я пошутил насчёт размена квартир, – сказал Аполлон.

Марина поперхнулась чаем. Что это? Шутки или месть некогда отверженного одноклассника? Марине снова захотелось плакать. Но слёз уже не было. Она закашлялась.

Аполлоша тотчас оказался за её спиной и мягко, с нажимом любящей мамыши, похлопал между лопаток. Кашель прошёл, а досада осталась.

– Насчёт других мужиков тоже пошутил?

– Нет.

– Вот! Ни убавить, ни прибавить! Каким ты был молчуном, – Марина не успела продолжить, Аполлон вдруг стал многословным. Мало того, что перебил её, так ещё наговорил с три короба.

– Ты будешь жить в этой, моей квартире. Пользоваться всем, что тут есть. Работать не будешь совсем. Нигде. Спать

со мной будешь, только когда захочешь. Замуж выйдешь завтра же!

От обилия информации закружилась голова, Марина не успевала усвоить ни слова. Главное всё же поняла, её не вышвырнут поутру, как тех сучек, что оставили свои объедки на подоконнике.

– Мы вместе будем уважать культуру и традиции людей, которых ты называешь нацменами.

– А жить долго и счастливо, пока да не умрём в один день, – закончила Марина загробным тоном.

– И это лучшее, что тебя ожидает в будущем, – заключил Аполлон.

– Это ещё почему?

– А потому, – он положил руку на ладонь Марины, призывая выслушать, – что твоя беспечная жизнь закончилась. Но, – он поднял указательный палец к потолку. Не такой уж и тонкий, отметила Марина.

– Началась лучшая! – продолжил Аполлон. – Хотя, могла и закончиться, так и не начавшись.

– Да почему это?

– Что ты наболтала по телефону про коммунистов?

– Я-то? – глаза Марины округлились. Она не помнила. Чего только не ляпнешь от отчаянья!

– Ты назвала всех членов партии, напомнить, как?

Марина вырвала руку из его ладони, закрыла лицо. Ой-ой-ой! Что она наделала? Вдобавок ко всему обозвала всех чел-

нов ЦК республики черножопыми бандитами! Марина провела рукой по волосам. Ей показалось, что поседела в один миг.

– Т-ты, т-ты, – она заикалась и давилась словами, которые не могли сойти с пересохших губ.

– Я уничтожу все записи, – буднично сказал Аполлон Андреевич.

Марина испугалась ещё больше, чем тюрьмы. Она сидела в уголке кухни и мелко-мелко дрожала. Вслед за нею тряслась пиалушка с чайной ложечкой, – стук–стук!

Аполлон обнял Марину. Она прижалась к однокласснику так, будто от него зависела жизнь во всей Вселенной.

– Даже если ты не хочешь жить со мной как с мужем, – сказал Аполлон, но уже не так уверенно.

Марина поняла, Аполлоша по-прежнему мечтает уложить её в постель!

– А у тебя была жена?

– Как и у тебя.

– Жена?! У меня, ха-ха-ха! – нервно захихикала Марина.

Аполлон смотрел на неё, радуясь своей судьбе. Он давно понял, что Марина несчастна, как только услышал её голос по телефону. А услышал месяц назад, по долгу службы. Прослушку установили на номер Разуваевой, всвязи с сигналом от бдительных граждан. Якобы Марина имеет встречи интимного (и не только!) характера с иностранцами. Кто-то заметил её возле делегации из Индии. Аполлон Андреевич

взял дело под личный контроль, и если бы информация подтвердилась, пришлось бы самому утопить первую любовь. Поначалу он был рад вывести Разуваеву на чистую воду, но в ходе наблюдения выяснил, что Марина обычная женщина с замашками шлюхи. Аполлон понял, что для него не всё потеряно. Впрочем, как и для неё. Партнёров у неё было меньше, чем случайных связей у Аполлона. Тогда как Аполлон в своём коллективе почитался за девственника. Убедить нужных людей, что Марина не может быть потерянным членом общества, оказалось проще простого. Оскорбления в адрес руководителей республики слышатся от большей части населения, и за это уже никого не сажают. Но напугать надо, чтоб неповадно было!

– Ты что ли ревнуешь?

– По праву завтрашнего мужа.

– Не шутишь насчёт свадьбы?

– Распишемся без лишних церемоний. Твоих позовём уже на годовщину свадьбы.

– Нет.

– Почему? Скажем, сразу не смогли.

– Некому говорить! Батя сгорел от водки, мама умерла.

– А мои прочно за границей. Не приедут, даже если захотят.

– Они тоже, того? – Марина сделала страшные глаза.

– У тебя есть, что надеть на свадебную церемонию?

– Ой! – Марина как бы увидела себя со стороны. Лохудра,

чистая лохудра! Как она не сторе́ла со стыда до сих пор?

– Работники Загса приедут к нам к половине одиннадцатого.

– Так рано?

– Затем они начнут работу по своему расписанию. Оде-нешь мамин халат. Он вполне приличный.

– Дак, я что? Кем ты меня представишь?

– Разуваевой Мариной Панкратовной, моей женой. Ты ненадолго занемогла, а свадьба без лишней помпы, потому что этого требует оперативная обстановка.

– Так они знают, что ты из КГБ?

– Знают. И не станут задавать никаких вопросов, даже если ты будешь лежать в постели.

– Голенькой?

Аполлон, улыбаясь, кивнул. Серьёзный разговор закончен. Марина никогда не была набитой душой, она всё поймёт.

– Можешь принять душ или ванну, как пожелаешь. Я иду спать. Поутру проснёшься одна, не пугайся. Я приеду за четверть часа до регистрации нашего брака. – Аполлон развернулся и вышел из кухни.

Марина сидела за столом с раскрытым ртом. Как это понимать? Счастливый билет? В один день остаться живой после отказа помогающему партработнику, узнать, что бедный влюблённый до сих пор сохнет по ней и, благодаря ему же, не угодить в тюрьму! А ещё, налопаться настоящей «салами» и вообще, прикоснуться к шикарной жизни! Не толь-

ко прикоснуться, но погрузиться в неё с головой!

Марина несколько раз окунулась в душистую ванну. Как сыр в масле буду купаться! Ах, мама, мама, жаль, ты не дожила!

Глава 11

В любой точке земного шара солнце встаёт одинаково, одинаково садится, но греет и светит совершенно по-разному. Казалось бы, какая разница между Средней Азией и Азией сибирской? Огромная! Световой день в Сибири длиннее, а тепла намного меньше. Наверное, только на земле обетованной солнце согревает каждую былинку, даруя ей жизненные силы. Людям, живущим в Сибири, приходится создавать уют собственными силами. Белла Исаевна поделилась своими соображениями с мужем.

– Для того мы и приехали, чтобы создать здесь уют. Наши дороги, они как артерии напитают эту нищую землю! Мы уедем в другое место, а память о нас останется надолго.

– Ещё бы нам кухонный комбайн, – сказала Белла Исаевна, – для уюта.

– Зачем?

– Говорят, он сам всё делает.

– Нам мало Бахыт-аки? – удивился Батырхан, подразумевая старейшего друга семьи, слуги жюза в седьмом поколении.

– А престиж? – Белла посмотрела в глаза мужу. Она знала, сейчас муж утонет в её взгляде и сделает, что угодно. Достанет звезду с неба, стоит только указать, какую именно. Недавно Жулдызка, то бишь Женя, увидела где-то чудо кухонный комбайн, посетовала, что достать его невозможно! Белла знала, у неё будет!

– Сама научишь Бахыт-аку и Салию работать на этом комбайне?

– С удовольствием! – Белла обняла супруга и расцеловала.

Пришлось Батырхану отложить всякие дела во имя исполнения приятных супружеских обязанностей.

Через три дня из Москвы спецпочтой доставили искомый комбайн. Белла посмотрела на коробку, поморщилась и велела Салие убрать её в чулан. Салия с молчаливой улыбкой исполнила просьбу хозяйки.

Батырхан, в суете дней, позабыл о подарке жене и ни разу не вспомнил о кухонном комбайне. Зато Захар очень заинтересовался чудо-техникой. Он пригласил друга Серёгу.

– Разберёмся! – сказал Захар. – Сам понимаешь, кое-какие детали нельзя поставить одному. Бери дома инструменты и лети ко мне. Пока родаков нет, соберём комбайн!

– Это и есть комбайн? – спросил Серёга, увидев картонный ящик. Захар посмотрел на него, как на придурка. Сергей потупился.

Внутри коробки лежали какие-то блестящие железки, пластмассовый ящичек, похожий на кофеварку и фигурные

пластиковые насадки.

Захар сам удивлся, не увидев ничего похожего на трактор с трубой, из которой сыплется зерно.

– И что будем делать? – растерялся Серёга.

– Собирать, что ещё? Сделаем и что-нибудь поджарим!

Сергей воодушевился, он помнил, какие вкусные котлетки бывают в доме Байбековых. Тотчас вспомнил он ежедневные морали матери до тех пор, пока не привезли новый телевизор.

– А если испортим, как мой телик?

– Чего испортим-то? По инструкции любой дурак соберёт! – Захар достал брошюрку в глянцевой обложке, раскрыл на первой странице.

– Так тут не по-русски!

– Сейчас возьму словарь, разберёмся!

Захар принёс англо-русский словарь. Они сели на корточки, принялись разбирать иностранный текст. Знакомых слов типа «Кисс», «Бони–М» или «Оттован» не встречалось.

– Почему так много букв «е»? – недоумевал Серёга.

– Кто их разберёт, американцев? Тупари, вот и пишут разную дрянь! Давай лучше по рисункам собирать!

Рисунки красивые, с множеством вкусных продуктов, включая колбасу.

– И это всё делает комбайн! – гордился Захар.

– Давай, вот эту сделаем! – предложил Сергей, ткнув пальцем с отгрызенным ногтем в ярко-красную котлету, посы-

панную зеленью.

– Давай!

Они пыхтели и сопели, втыкая пластмаски одну в одну, но не состыковывалось. Ругая друг друга, наконец, сконструировали нечто похожее на мясорубку.

– Похоже, а?

– Вроде.

– Нормально же, а? – радовался Захар.

– И как в этом сделать котлеты? – недоумевал Сергей. Конструкция никак не походила на сковороду.

– Дело техники! Возьмём эту халабуду и врубим в розетку!

– А как получатся котлеты?

– Откуда я знаю? – разозлился Захар. – Наверное, там внутри всё сложено. Нажмём на кнопку, и делов-то!

Они включили комбайн.

– У–гу–гу! – зашумел мотор с электроприводом. Появился дымок.

Серёга выдернул шнур из розетки.

– Что-то сделали не так!

– Ерунда! Давай другую канитель соберём! – предложил Захар.

С горем пополам они собрали конструкцию для изготовления печенья.

– Может, не будем включать? – предложил осторожный Серёга.

– А на кой тогда собирали? Сейчас врубим, и оттуда печенье посыплется! Чай на кухне уже готов! Слышишь, Салия перестала греметь чашками?

На этот раз Захар запретил другу отключать комбайн.

– Торопимся, как придурки, – сказал он. – Дым-то всегда бывает! Как ещё жарить и печь без него?

Мотор загудел, что-то внутри машины загрохотало, но печенье никак не вываливалось. Прошло несколько минут непрерывного шума.

– Работает, как надо! – потёр ладонями Захар. – Ты пригляди тут, чтобы крошки на ковёр не сыпались. А я пойду, распоряжусь насчёт чая!

Серёга сидел перед работающим комбайном, держа в руке глубокую тарелку. Он не знал, с какой стороны посыпятся пряники, поэтому был начеку. На пол не упадёт ни один!

Захар сказал Салие, чтобы заварила чаю. Бахыт-аке приказал включить мантоварку.

– Сейчас будем чай пить с печеньем! – сообщил Захар.

– А кушать? – не понял Бахыт-ака.

– И кушать, и чай пить!

– Что-то там воняет! – приняухалась тётушка Салия.

– Это печенье жарится! – сказал Захар.

Салия улыбнулась. Ребёнок при деле, чего ещё желать?

Когда Захар вернулся в комнату и увидел Серёгу, ползающего вокруг комбайна, ухохотался до слёз. Друг разозлился и отставил чашку.

– Обиделся что ли? – продолжал хохотать Захар. – Мы с тобой, дураки! – он покрутил пальцем у виска.

– Почему? – улыбнулся Сергей.

– Надо же масла туда подлить!

– Точняк! – Серёга хлопнул себя по лбу. – Потому и горит всё!

– И мы получим одни угольки! Будешь их жрать?

– Не–а.

– И я не буду!

Они сбегали на кухню, спросили у Салии: «На каком масле жарить печенье»?

– На хлопковом, – сказала Салия, вынимая манты. Пар с запахом вкусного мяса отвлёк пацанов от кухонного комбайна.

– Садитесь кушать! – пригласил Бахыт-ака.

Вкусно поев, ребята налили масла в жерло комбайна. Дыма стало меньше. Только масло протекло на ковёр.

– Смотри, мы ковёр испортили!

– Не визжи, как баба! Выключай! – скомандовал Захар. Толку от друга никакого, пришлось руководить самому. Он заставил Серегу разобрать комбайн. Тот измазался в масле, но разобрать до конца не смог. Захар вздохнул и крупной отвёрткой раскурочил конструкцию. Пластмасски полопались, резьба нарушилась. Всё это кое-как впихнулось в упаковочный ящик при помощи молотка Серёги. Жирное пятно на ковре прикрыли банкеткой, передвинув её от входа к центру

комнаты.

– И делов-то! – сказал Захар. – Не мужское это дело – пряники печь!

Сергей кивнул. Ребята пошли гулять.

Белла Исаевна пришла домой минут через двадцать. Благодаря стараниям друзей семьи, запах горелого выветрился. Хозяйка вошла в комнату, запнулась о банкетку, сильно ударившись коленкой.

Немедленно позвонили в «скорую».

Фельдшер крутился вокруг распухшей коленки жены самого Байбекова, боясь прикоснуться к покрасневшей коже. Позвал врача. Тот вышел из машины недовольный. Смена подходила к концу, позади бессонная ночь, а дома незаконченный ремонт. Забот хоть отбавляй, а тут ещё «экстренный вызов»!

– Что тут у тебя? – спросил он фельдшера.

– Травма.

– Бытовая?

– Как вы скажете? – спросил фельдшер, глядя в огромные тёмные глаза Беллы Исаевны.

– А какая разница? – спросила пострадавшая, убив своей наивностью.

– Если производственная, – сказал доктор, – вам будет положена денежная компенсация!

– Сколько?

– За три дня, плюс оплачиваемые отгулы. К отпуску, либо

по желанию в любое время.

– Это серьёзно? – хлопнула Белла длинными ресницами.

– Ничего страшного. Приложим примочку, а завтра зайдёте к хирургу, оформить травму.

– Вы не поняли, доктор. Мне, действительно, полагается денежная компенсация от Государства?

– Конечно же! Вы ушиблись в рабочее время. Всё зафиксировано в протоколе вызова «скорой».

– Спасибо, доктор!

– Всё будет хорошо! – доктор кивнул помощнику на выход. Медработники на цыпочках прошли по ковру к порогу, обулись.

– Бахыт-ака! – Белла щёлкнула пальцами. Тот понял. На крыльце оба медработника получили по баночке бразильского кофе.

Рассчувствовавшиеся медики, раскланиваясь, пятились до машины «скорой помощи». Они одновременно стукнулись задом о пыльные дверцы уазика.

– Сколько у нас осталось? – спросила Белла, когда медики уехали.

– Десять по пятьдесят и пять по сто граммов, – доложил Бахыт-ака, – закажу отоварку на завтра. Как раз следующий месяц подходит.

– Возьми французского солёного масла. Бананов, ананасов каких-нибудь там, – махнула рукой Белла Исаевна.

Через неделю банкетку водворили на привычное место.

Испорченный белый ковер из Хорасана заменили светло-зелёным бухарским.

– Это всего лишь обычная шинковка и тёрка, – поморщившись, сказала Белла своей подружке.

– А сказали, всё делает сам.

– Ох, дорогая. Никто за нас ничего не сделает, – улыбнулась Белла.

Подруга согласилась. На следующий месяц товарищ Байбеков заказал видеоманитофон из магазина «Берёзка».

Глава 12

Счастлив человек, работа которого совпадает с любимым увлечением. Но только до той поры, пока кто-нибудь не помешает ему предаваться любимому занятию, приносящему неплохой доход.

– Люди как люди: сапожник тачает сапоги, пирожник печёт пироги, – ворчал старый Шиллинг, – полководец куёт победу, ювелир творит бесценные шедевры, я же вынужден заниматься политикой!

Политикой он называл любые отношения с властью и деньгами. От этих людей прибыли мало, но хлопот по самые гланды!

А началось всё со свалившейся как снег на голову Леночки Байер, маме которой он помог несколько лет назад. Расплата за добро неименуема! Исайя Моисеевич принял свою какую-то дальнюю родственницу, исключительно из чувства

нежной привязанности к её маме. А она, вдруг, приволокла за собой калеку—внучку! Родную, от какого бы отца она не появилась на свет.

Тринадцать лет назад Исайя Моисеевич лично возил внучку в клинику Бакулева в Москве, но доктор сказал, что операция не имеет смысла. С той поры Шиллинг свыкся с потерей Ларисы и мысленно похоронил её.

Отправив домой Леночку, Исайя Моисеевич справился о её деле. Бедной девочке угрожали не без оснований. Она, золотая душа, решила дать показания, оправдывающие обречённого Болтунова. Ни один суд на Земле не помог бы ему. По неосторожности бывший зять убил сына большого человека, выбросив того из окна со второго этажа. Убитый имел неосторожность при падении сломать себе шею, а оставшийся в живых дружок заявил, что пьяный Болтунов напал на них, оскорблял и унижал, а затем побил и выбросил из окна. Это было чудовищной ложью, но помочь Болтунову Шиллинг не мог. Даже используя все свои связи и средства.

Сориентировавшись, Исайя Моисеевич отправил бедную Леночку к маме. Это лучшее, что он мог сделать за четыреста рублей. Трудовую книжку Байер он забрал из школы и отправил по почте. Внучку пришлось пока оставить у себя. Обещанные полторы тысячи зависли в воздухе. Добраться до Павла Александровича не так просто, он находился под опёкой ЦК компартии республики. Жил Паша заурядно и бессмысленно. Драгоценностями не интересовался, поло-

женные по партминимуму льготы прожигал, не заботясь о завтрашнем дне. Ничего благоразумного от друга—сотоварища Болтунова Шиллинг не ожидал.

Беспокоить дочку было свыше сил старого ювелира.

Интернат для умственно отсталых детей не подходил категорически! Возиться самому с ребёнком—калекой Исая Моисеевич не имел ни сил, ни терпения.

Определив девочку к соседке, Шиллинг сократил до минимума свою работу, рискуя растерять заказы к выгоде конкурентов. Нужно же искать выход! Бедная девочка, полутора метров росту обошлась бы Шиллингу в сто пятьдесят рублей в месяц!

Бился—бился старый ювелир, а выхода не находил. Неделя минула, а воз и ныне там! Директор школы потребовал от Шиллинга бумаги, дающие право на опеку. Как ничтожный человек, он почувствовал слабину и грозился отправить девочку в интернат для умалишённых: откуда не выписывают.

Сидя в лавке, Шиллинг автоматически творил свои шедевры, не переставая думать. Он знал: терпение побеждает любые неприятности. Но и требует времени, которого становится всё меньше и меньше.

Исайя Моисеевич вынужден был заняться политикой. Всегда страшно напоминать сильному человеку о некогда оказанной ему услуге. Эти люди не знают пощады и никогда не забывают самых мелких уколов. Реакция на упоминание о

какой-то промашке или слабости, может быть непредвиденной. С риском потерять голову, Исайя Моисеевич, прижатый в угол, тихим писком заявил о себе.

Это был писк телефонного аппарата.

– Здравствуй, дорогой Аполлон Андреевич, – проверещал Шиллинг. Предварительно он навёл справки о житье–бытье Аполлоши, поэтому первым делом поздравил со счастливым обретением семьи.

– Спасибо, Исайя Моисеевич! – сказал абонент, несколько не удивив Шиллинга тем, что с первого слова узнал звонящего. Служба у него такая!

– Однажды, – сказал Исайя Моисеевич тоном сказочника, – твой незабвенный папа попросил одного очень бедного человека о маленькой услуге.

– Я всё помню, – сказал Аполлон Андреевич. – Через полчаса буду. Вы сейчас в лавке, Исайя Моисеевич?

– На месте, – выдохнул Шиллинг. Он хотел сказать ещё что-то, но в трубке уже гудели короткие сигналы.

– Как хорошо, что я обратился именно к тебе, дорогой Аполлон Андреевич! – растроганно вещал Шиллинг, заканчивая короткий разговор с представителем самой грозной власти в стране.

– Всё нормально, Исайя Моисеевич, – снисходительно улыбнулся Аполлон Андреевич.

И завертелось колесо! Фортуны ли?

Обвиняемого в убийстве и нанесении тяжких телесных

повреждений с особой жестокостью приотягчающих обстоятельствах Болтунова перевели в ведомство КГБ.

– Выше «вышки» только солнце! – сказал он, прощаясь с сокамерниками. Их кислые рожи раздражали Болтунова. Его чуть не стошнило. Пожив в тюрьме три месяца, Болтунов понял, что осознал смысл жизни. Человек рождается, развивается в меру своих сил, а затем тратит эти силы. Как сможет и как захочет. Кто с рождения хил и немощен – тому дольше до могилы. Потому как он ползает, а не живёт! Сильному необходим простор, полёт, воля. И чем быстрее двигаешься, тем короче путь до конечной точки.

Жаль ему только дочурку. Сколь ей, бедолаге, осталось? Хилая, немощная, а ума палата! Не может быть, чтоб она не выжила! Пахан, вон, хилак, а мозгов как у слона. Даром, башка маленькая. Тоже силён, ничего не скажешь. Если сидит в одиночке, а всей зоной–пересылкой заправляет. И Хозяин, дистрофик дистрофиком, а папаху генеральскую носит. Так утешал себя Болтунов, беспокоясь о дочери.

– Вы обвиняетесь по статье за Государственную измену! – сообщил ему какой-то доходяга в гражданском костюме сталистого цвета.

– А мне всё равно.

– Что? Вам безразлично обвинение в шпионаже?

До чего же ты вежливый, аж противно! Болтунов едва не сплюнул. Его на вы называла только Белла Исаевна и то, до замужества. Всего-ничего, одну неделю.

– Молчите? А тут вы должны отвечать! – напомнил вежливый чекист.

– Отвечу, коли должен. Никогда не был шпионом и книжек про них не читал! – ни грамму не соврал Болтунов. Книжек он не читал вовсе. Разве что, детские рассказы по программе начальной школы. Затем сборы, соревнования, рекорды. Это Пашка, карьерист, закончил какой-то ВУЗ. Болтунову предлагали физкультурный, но ему было некогда. Зато теперь сидит напротив слащавый дистрофик и вешает на уши учёную лапшу.

– Вам неинтересно, за что вас называют шпионом?

– За то же, что и убийцей.

– Верно. И ничего тут не попишешь.

– Мне светит «вышка», начальник! Давай, подпишу все твои бумаги, и делу конец! – заявил Болтунов, наученный сокамерниками.

– Мне не нужны ваши признания. Я хочу лишь образумить вас.

Болтунов насупился и молчал.

– У вас есть жена?

– Была.

– Дети?

– Дочь. Была.

Аполлон Андреевич не подал виду, но удивился. Неужели такая громадина может так легко отказаться от дочери? Разве все великаны не сентиментальны и добродушны? Немно-

го туповатые, но не до такой же степени!

– Она ещё жива, – сообщил он Болтунову.

– Без меня ей не протянуть, что ты душу травишь, начальник? Знаешь же, никому не нужна калека!

– И вашей жене? – спросил Аполлон. Ему было интересно, почему бедная девочка никому не нужна? Ни деду, ни матери!

– Скажу прямо, жена моя, Белочка – стерва, каких поискать! Знаешь, начальник, что она хотела, а? – Болтунов посмотрел на непроницаемое лицо чекиста. – Сделать аборт так, чтобы одни из близнецов остался, а другой, значит, – Болтунов провёл ребром ладони под подбородком.

– С какой целью?

– А ты бы её спросил, начальник!

– Ваша дочь станет изгоем, ребёнком государственного преступника. Для неё будут закрыты все дороги.

– Это, типа, дочь врага народа? – подумал вслух Болтунов. Такое он слышал от отца.

– Вашу дочь станут презирать, а когда она умрёт, её закопают на кладбище ближайшей зоны, и таблички с номером не поставят.

– Вы начальник, вам виднее. Только зачем ты мне это лепишь? Хочешь, чтобы я не дожил до расстрела, загнулся от инфаркта, или как?

– Или как.

От Болтунова ускользнул смысл разговора. Он пожалел,

что не читал книжек про шпионов.

– Ей нужно изменить жизнь.

– И это сделаете вы.

– И вы тоже.

– Дак, как?

– Вы согласны?

– Что нужно-то?

– Ваше письменное заявление о назначении девочке опекуна.

– Кого, кого?

– Опекун, это человек, который будет заботиться о ней.

– Вместо интерната? Что это за человек?

– Это уже вас не касается.

– Мне нужно подумать, – Болтунов опешил. Выходит, Ларису не отправят в интернат, или что? Спрашивать этого манекена не имело смысла.

– Только недолго! – приказал Аполлон Андреевич, вызывая конвой.

– Завтра, в пять утра вы предоставите мне нужную бумагу! – крикнул он вдогонку Болтунову.

Арестанта увели, Аполлон вышел прочь из тюрьмы. До чего же он не любил этой сырости и извечной вони: то ли грязными носками, но ли раздавленными вшами, – чем-то неудобным и не пригодным для жизни.

Наутро, ровно в обозначенный час Аполлон Андреевич был в кабинете следователя. Исполняя обязанности парал-

лельной службы, он никак не мог привыкнуть к жестокости коллег. Для чего нужно раздавливать людей, доводя их до скотского состояния? Неужели нельзя всё решать прилично, без дикарских выходов? Аполлон Андреевич как-то задал похожий вопрос коллеге, в кабинете которого находился сейчас.

– А ты когда-нибудь интересовался, куда идёт твоя моча и кал? – спросил тюремщик.

– Нет. А какая тут аналогия?

– Люди производят много отходов. Кто-то из них заразный, кто-то отравленный. Если в их дерьмо наступит нормальный человек, что из этого получится? Правильно, эпидемия! Вот мы и обеззараживаем эти отходы общества. Только и всего, наливай!

Болтунов появился в сопровождении конвоя. Если вчера бывший штангист держался прямо и естественно, то сегодня, когда надзиратель щёлкнул пальцами, Болтунов вжал голову в плечи, содрогнувшись всем телом. Почти обезврежен, заключил Аполлон Андреевич.

– Вы написали?

– А что вы, гражданин начальник, сделаете доброго за это? Если ничего, я сожру эту бумагу!

– Чего ты хочешь?

– Немедленной смерти. Без суда и издевательств!

– Как знаешь, – Аполлон протянул руку за бумагой, испанной корявыми буквами Болтунова.

– Хренушки, гражданин начальник! Когда выведешь на расстрел, тогда и подпишу твою бумажонку!

Аполлон дружески улыбнулся. Это в уголовке дела пылятся по нескольку месяцев, а то и лет – шпионов расстреливают тотчас после приговора. В исключительных случаях приговор выносится задним числом. В интересах государственной безопасности, разумеется.

– Я тебя лично пристрелю! – пообещал Аполлон. – Зачитай, чего там накарябал за ночь!

– «Я, Болтунов Игорь Борисович, отказываюсь от присвоения дочери своей фамилии. Прошу назначить ей, Ларисе Игоревне Шиллинг, опекуна по усмотрению органов опеки. Болтунов». Пойдёт?

– Да, – сказал Аполлон. Лучшей бумаги он и не ждал. Каждое слово Болтунову продиктовали знающие люди в погонах.

– А если перевести тебя обратно, в уголовку?

– Кровь пьёшь, начальник! – Болтунов поднёс лист бумаги ко рту.

– Как пожелаешь. А то бы пожил ещё чуточку.

– Детям своим пожелай такой жизни!

Разозлить непроницаемого чекиста не вышло, но получить желаемое удалось. Через десять минут арестанта ввели в пустую камеру без двери, но с длинным коридором, в котором за деревянным столом сидел доктор в белом халате и человек в синем кителе с прокурорскими петлицами. Болтунов подписался и отдал бумагу сопровождающему его лично

Аполлону Андреевичу.

– Неужто, сам шлёпнешь?

Это были последние слова Болтунова. В следующий момент Аполлон пихнул уже мёртвое тело на кучу опилок.

– И оно вам надо, Аполлон Андреевич? – спросил судмедэксперт, констатируя смерть приговорённого.

– Надо, Федя, надо.

О дочери Болтунова Аполлон уже знал всё. Девочка очень способная, особенно в области естественных наук. Инвалид детства по заболеванию сердца. Врождённый порок. Во младенчестве оперировать не стали, боясь повредить «проводящую систему миокарда». Эту филькину грамоту Аполлон пропустил мимо ушей. Он понял главное, если операцию сделать сейчас, девочка станет нормальной. Исая жмётся, но хочет ей добра. За чужой счёт, разумеется. Старая ты сволочь, подумал Аполлон Андреевич, но вслух сказал совершенно обратное.

– Ваша доброта и забота о внучке достойна примера для подражания!

– Что вы, Аполлон Андреевич! Я только исполняю свой долг. По мере сил и скромных возможностей! – сказал Исая Моисеевич и добавил без перехода: – Нашёл полторы тысячи Болтунова?

– Полагаете, их хватит для обустройства девочки в чужой семье?

– Ей будет гораздо легче жить здоровой после операции!

Даже в детском доме, не так ли, Аполлон Андреевич?

– Это верно, но кто будет заниматься ею? Везти на операцию и так далее? На кого мне оформлять опеку?

– Заботу о девочке возьмёт на себя ваш папа, – сказал Исая. Предвидев уточняющие вопросы, пояснил, – договорённость с клиникой о времени операции я возьму на себя.

– Но папа не может оторваться от дел!

– Не могу и я. А вам, дорогой Аполлон Андреевич сам Бог велел прокатиться с супругой в столицу нашей Родины!

Аполлон молча обрабатывал информацию. Дед не мешал ему думать. Воткнув в глаз лупу, Шиллинг принялся колдовать над очередным заказом.

Здорово прижал, в лучших традициях! Отец Аполлона должен этому редковолосому любителю мацы своей жизнью, разве он может отказаться? А если он станет возиться с девочкой, непременно раскроется! По легенде он никогда не был в СССР, как и его жена.

– Вы ведь, Аполлон Андреевич, возьмёте фамилию супруги, – пробормотал Шиллинг, добывая чекиста.

– Когда? – только и спросил Аполлон Андреевич.

– Разыщите потерянные финансы. Не думаю, что там всего полторы тысячи, но этот грех будет за Павлом Александровичем, или же пойдёт в довесок к вашим расходам на свадебное путешествие.

– Вы самый великодушный человек!

Исая протёр липкий пот с изморщенного лба.

– Напрасно вы меня обижаете, Аполлон Андреевич, – он покачал головой. – Разуваев звучит не так громко как Юдин, но значительно перспективнее. А кто поможет бедному старику, как не вы, который мне дороже сына?

– И вы не потратите ни копейки! – не сдержался Аполлон.

– Мой дорогой, – Исаяя понял, что молодой человек ослабился, – я потрачу гораздо больше, поверьте мне! Я буду должен многим самым важным людям, а это не измерить никакими копейками!

Аполлон смотрел на старика. Тот разбушевался. Вёл себя так, будто у него только что отобрали последний костюм отложенный на похороны и вышвырнули голым на середину Красной площади. Эк, тебя заело, старый пентюх! Неужели и я стану таким? Аполлон поморщился. Дед понял это по своему.

– Не дай вам Создатель, Аполлон Андреевич, таких унижений в жизни! Вы как благоразумный человек можете извлечь большую выгоду на помощи бедной калеке.

– Но она же Шиллинг! – запутался Разуваев. Не смотря на приличную выучку, он не мог разобрать хитросплетений мысли старика.

– А вы, дорогой мой, Разуваев! Почти как Плотников, Столяров, Лапотников, наконец! Истый пролетарский русский человек помогает бедной, почти нищей, калеке с красивой, но чуждой фамилией, улавливаете?

– Вам бы у нас работать.

Дед Исая поперхнулся и замахал руками. Аполлон Андреевич улыбнулся. Ему всегда нравилось служебное положение, перед которым, если захотеть, будет пресмыкаться сам ... Генеральный секретарь ЦК.

Они распрощались как близкие родственники, понимающие друг друга.

Глава 13

На боковом крыльце средней школы, пользуясь тем, что запасной выход заколочен шершавыми досками, собралась толпа учеников. В основном одноклассники, но были среди них и старшаки. Все курили и сильно матерились. Кончилось пять уроков, старшие не хотели идти на урок ненавистного национального языка, а пацаны из 7 «Б» поджидали гадкую фашистку. Все были разозлены её предательством. Прикинулась больной и несчастной, а сама оказалась натуральной сволочью!

– А ещё я слышал, что её отец ненастоящий! – сказал веснушчатый пацан, держа в кулаке догоревший дотла бычок «беломорины».

– Отчим?

– Не-а! Шпион!

– И убийца! – поддержал товарищ.

– Он тоже был фашистом, только фамилию сменил! Вон, как его раскормила Советская власть, а он предал всех нас! – повторил явно чужие слова веснушчатый пацан.

– Короче, пацаны, кто с этого дня дотронется до неё, тот сифилис! – заявил один из старшекласников.

– Точняк! – поддержали его все присутствующие.

Лёха стоял в центре, как полагается командиру. Он молчал. Боялся, вдруг, кто из пацанов расскажет Павлу Александровичу, что он не защищал Ларису? И тогда его быстренько выкинут из секции каратэ. Официально она называлась ОФП — общей физической подготовки. На самом деле, тренер Исхак учил пацанят крушить зубы и проламывать черепа одним ударом голой ладони. Прикидывая по привычке, скольких может уложить рядом, Лёха сник. Счёт не в его пользу. Если начать со старшаков, мелюзга будет стоять в ожидании. Когда пятеро начнут побеждать, Лёху запинают всем хором. Если же первыми вырубать ровесников, старшаки сразу вмешаются, и не на стороне Лёхи! Среди одноклассников у двоих есть старшие братья. И они стоят тут! Лёхе оставалось только молчать. И это быстро заметили.

– Лёха, а ты чё? Тебя ж Болтунов чуть не убил за эту суку!

– Я чё? И ничё!

– Чё молчишь? Тебе что, всё равно?

– Мне-то? Мне, не!

– Тогда зачем не скажешь, что Лариска фашистка, а никакая не больная?

– Да она просто дрянь! – высказался Лёха, успокоив пацанов.

Воодушевившись поддержкой самого сильного, семи-

классники завопили наперебой.

– У неё сердце какое-то неправильное!

– Наверное, шпионское!

– Дурак что ли? Какое шпионское?

– Да! Там зашили передатчик!

– Вот, сука!

– Пададь, гавнючка!

Подростки распалялись всё больше. Готовились к встрече фашистки. Лариса пропустила десять дней занятий и возвратилась в школу с фашисткой фамилией и неправильным сердцем. Это из-за неё исчезла училка Елена Григорьевна! Дрянной была училкой, но нашей! Когда отца Лариски схватили милиционеры, он вынул германский пистолет и пострелял наших, сволочь! А дочку привезли обратно в школу, не успела убежать. Её даже в тюрьму посадить не могут, инвалидку паршивую!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.